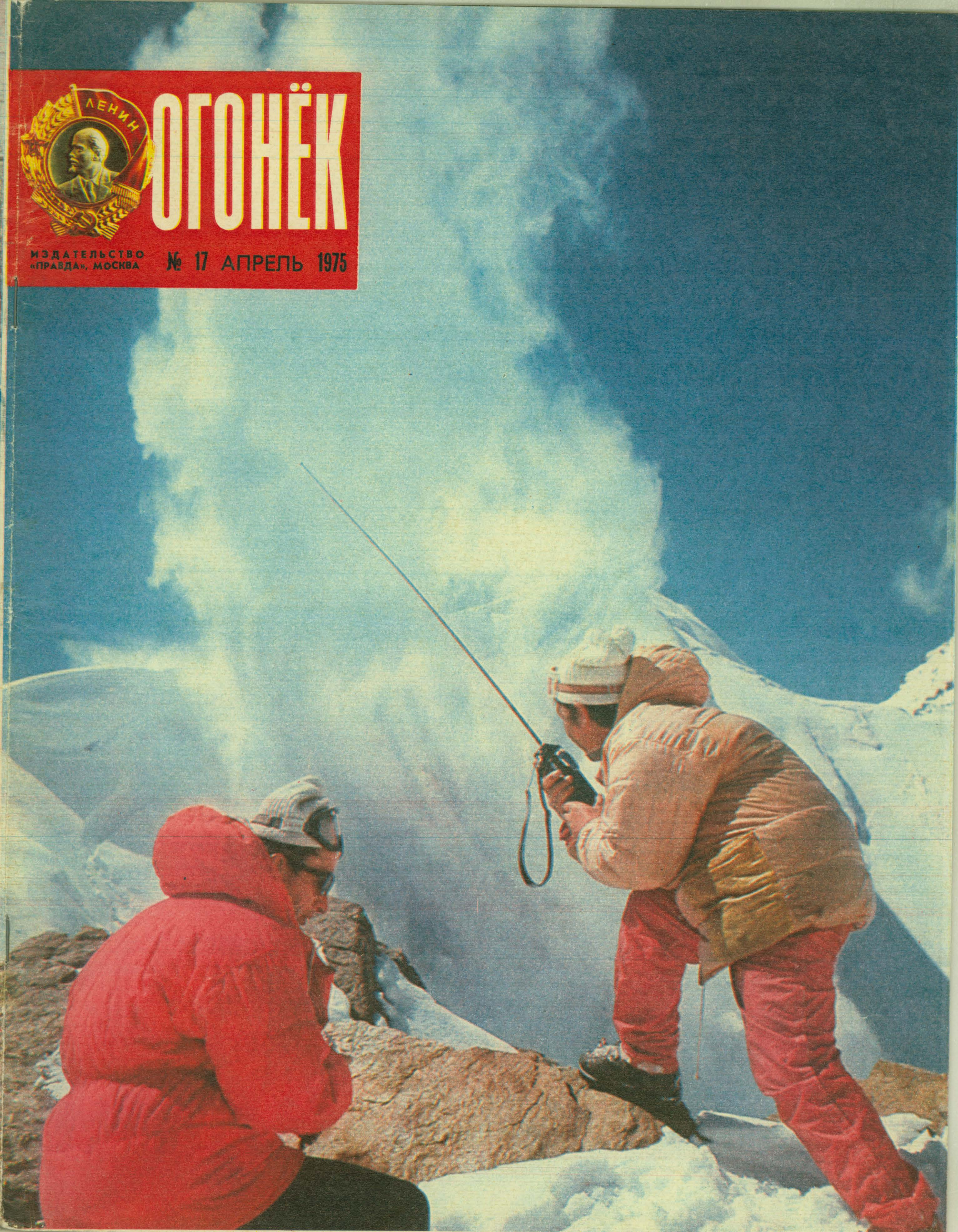
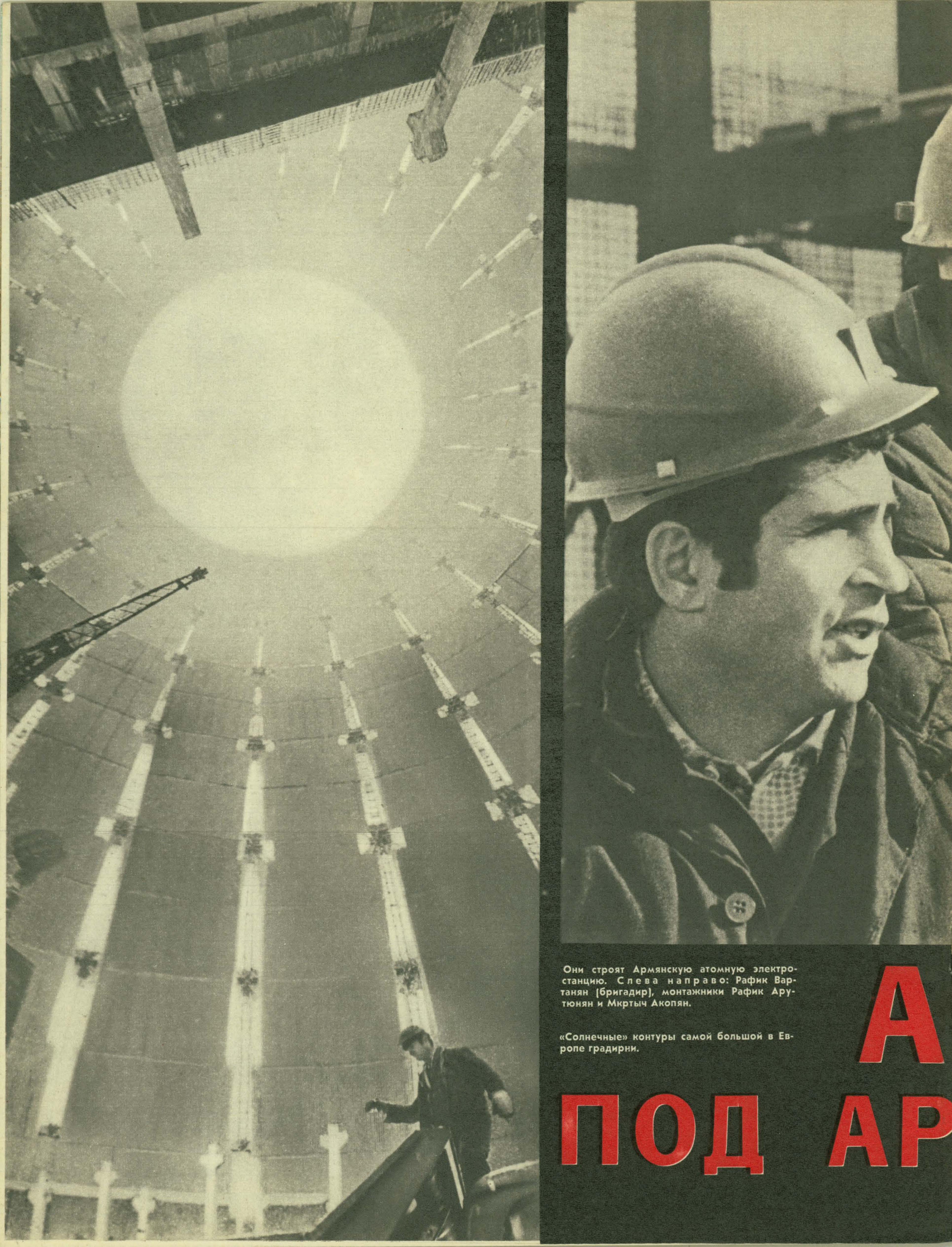
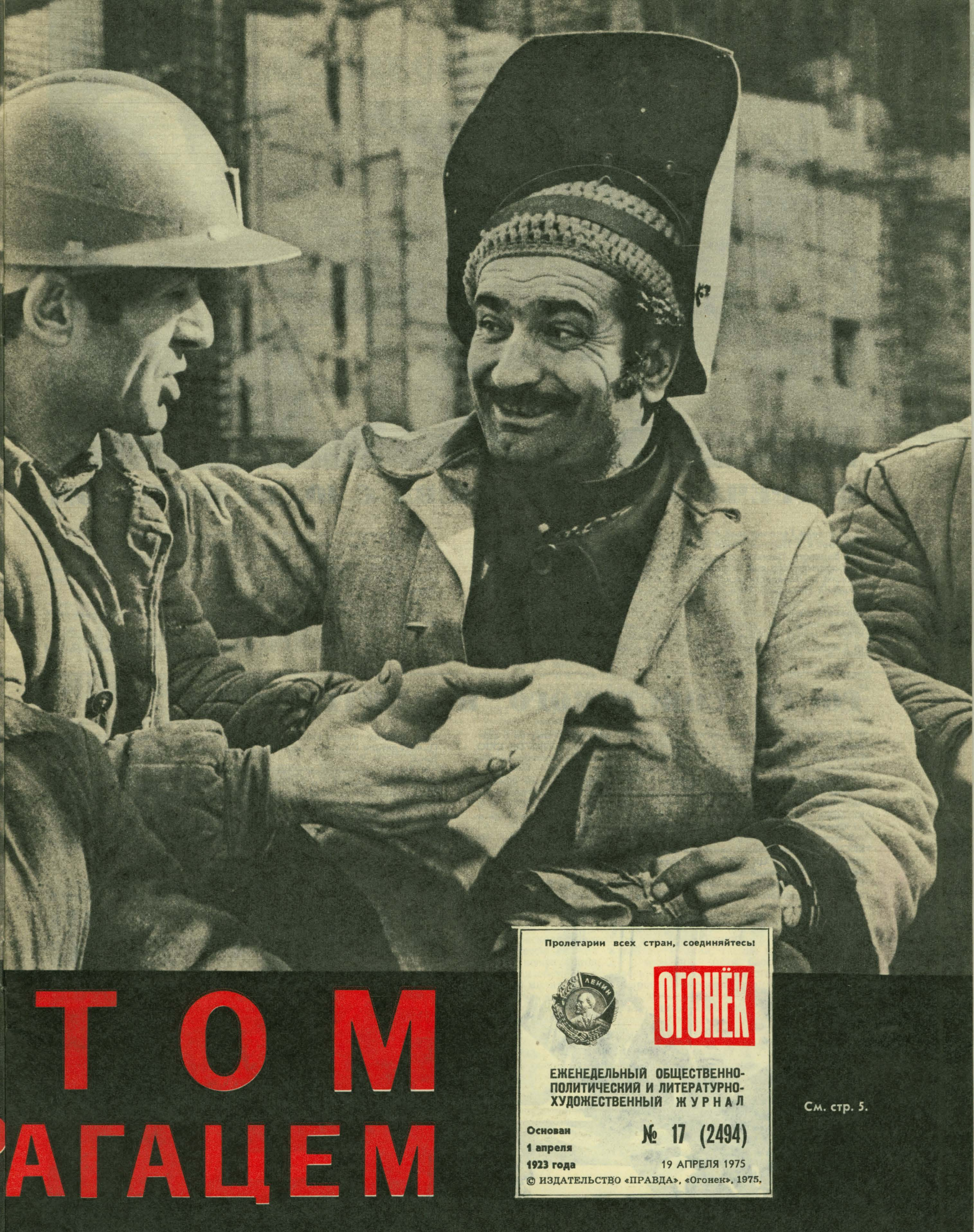

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 17 АПРЕЛЬ 1975

Они строят Армянскую атомную электростанцию. Слева направо: Рафик Вартанян (бригадир), монтажники Рафик Арутюнян и Мкртыч Акопян.

«Солнечные» контуры самой большой в Европе градирни.

А
ПОД АР

ТОМ
АГАЦЕМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ОГОНЁК

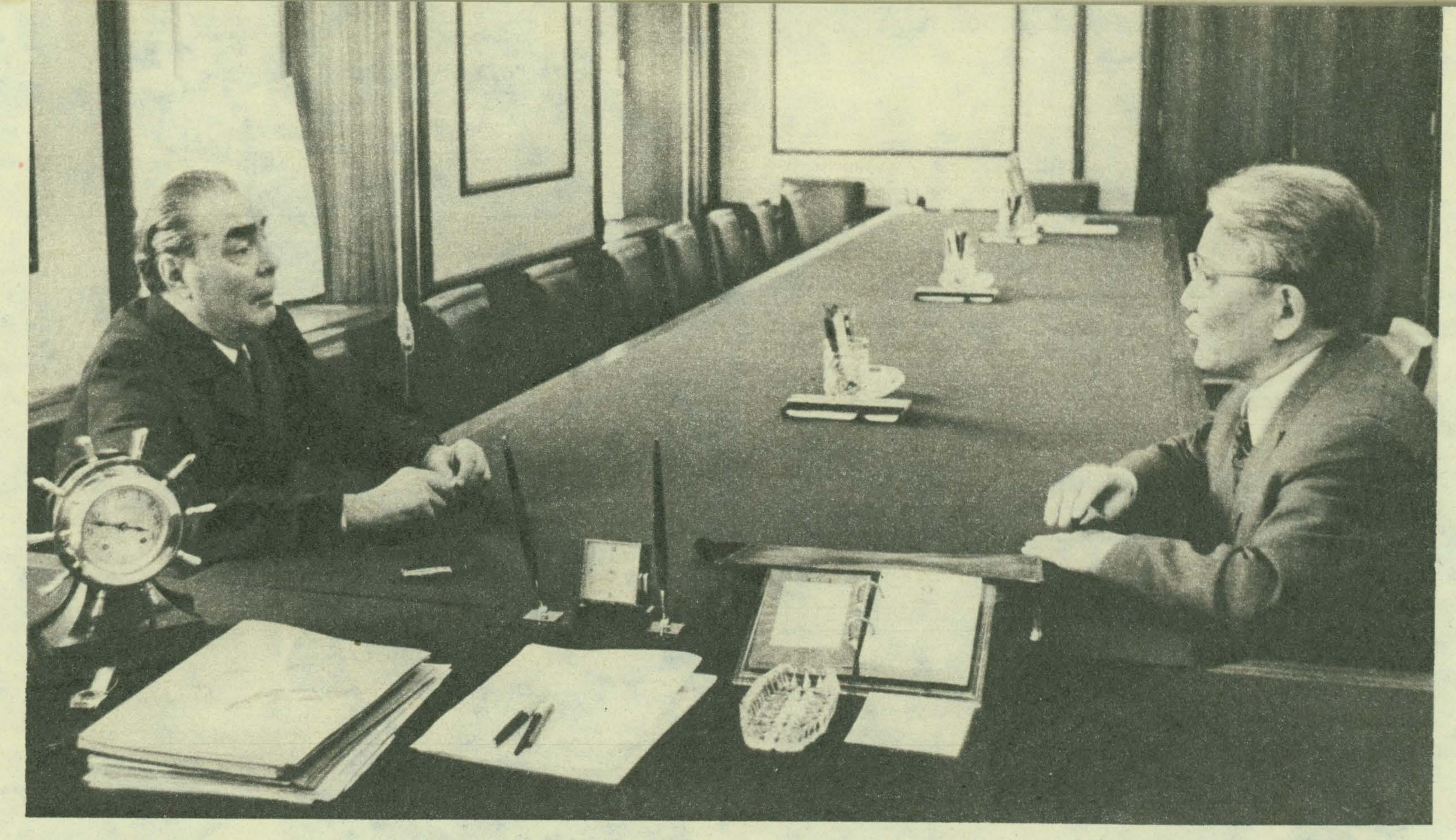
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 17 (2494)

19 АПРЕЛЯ 1975

См. стр. 5.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Ю. ЦЕДЕНБАЛОМ

9 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев встретился с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР товарищем Ю. Цеденбалом.

Участники встречи информировали друг друга о ходе коммунистического и социалистического строительства в Советском Союзе и Монгольской Народной Республике. В ходе обсуждения вопросов, связанных с дальнейшим развитием советско-монгольских отношений, они с удовлетворением констатировали, что соглашения и договоренности, направленные на углубление всестороннего сотрудничества между КПСС и МНРП, СССР и МНР, которые были достигнуты во время визита в Монгольскую Народную Республику советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым в ноябре 1974 года, успешно выполняются. Было подчеркнуто большое значение предстоящего визита в Советский Союз партийно-правительственной делегации МНР, который явится новым вкладом в укрепление традиционной советско-монгольской дружбы.

10 апреля Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбал отбыл из Москвы в Улан-Батор.

Фото В. Мусаэльяна [ТАСС]

ГОСТЬ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

9 апреля в Москву по приглашению Советского правительства с официальным дружественным визитом прибыл член Президиума ЦК СКЮ, Председатель Союзного исполнительного веча Социалистической Федеративной Республики Югославии Джемал Биедич.

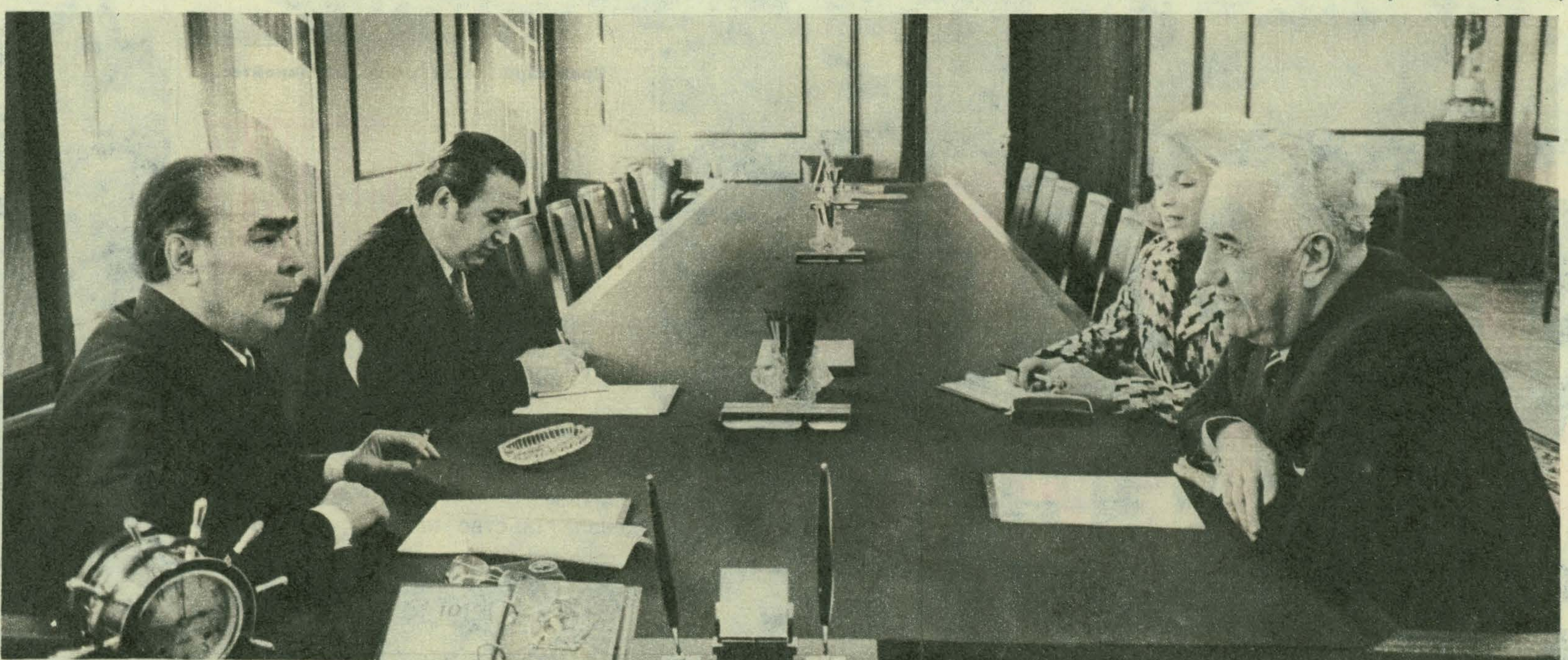
На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами СФРЮ и Советского Союза, Д. Биедича у трапа самолета встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров и другие товарищи.

В Кремле состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и членом Президиума ЦК СКЮ, Председателем Союзного исполнительного веча СФРЮ Д. Биедичем.

10 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев принял находящегося в Советском Союзе с официальным дружественным визитом члена Президиума ЦК Союза коммунистов Югославии, Председателя Союзного исполнительного веча СФРЮ товарища Д. Биедича.

В беседе, прошедшей в теплой, товарищеской обстановке, состоялся обмен информацией о достижениях трудящихся Советского Союза и Югославии в строительстве коммунизма и социализма. Было выражено удовлетворение успешным развитием советско-югославских отношений, взаимное стремление и впредь укреплять всестороннее сотрудничество между Советским Союзом и Социалистической Федеративной Республикой Югославией, КПСС и СКЮ, братскую дружбу народов двух стран.

На снимке: во время встречи Л. И. Брежнева с Д. Биедичем.
Фото В. Мусаэльяна [ТАСС]

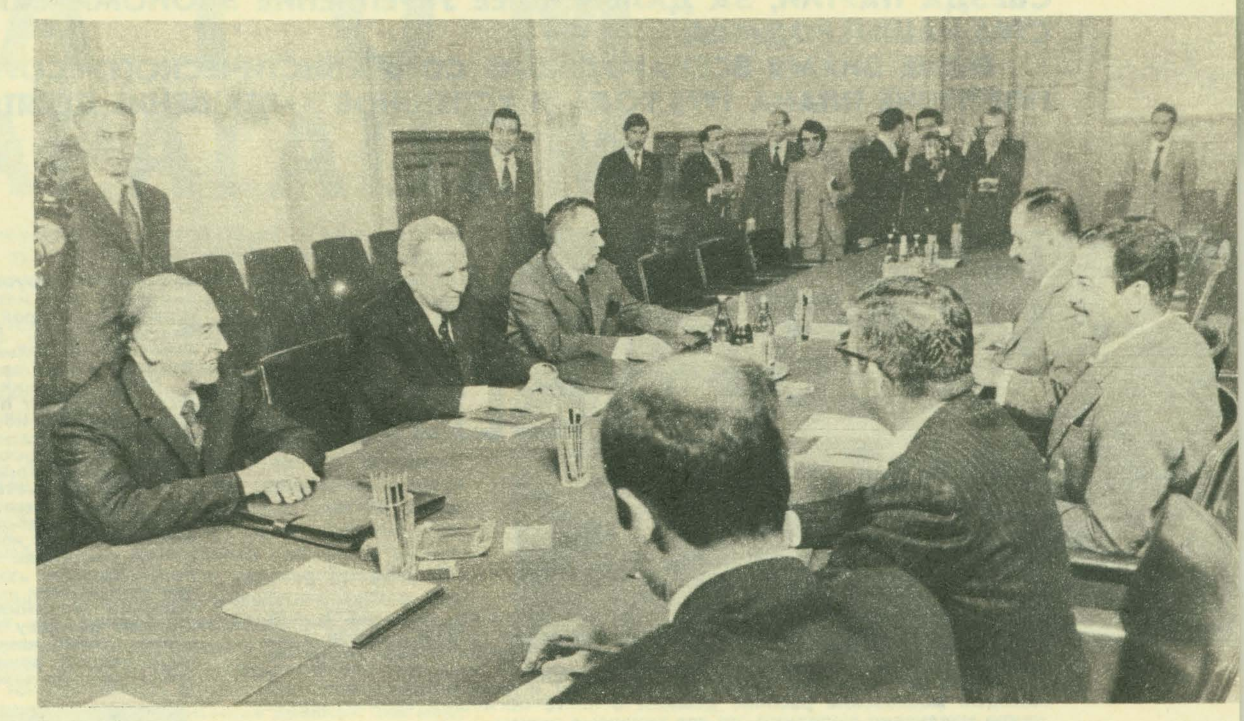
С ДРУЖЕСКИМ ВИЗИТОМ

В Москву 14 апреля по приглашению ЦК КПСС и Советского правительства с официальным визитом прибыл заместитель генерального секретаря Регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения, заместитель Председателя Совета революционного командования Иракской Республики Саддам Хусейн.

14 апреля в Кремле состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым и заместителем генерального секретаря Регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (Баас), заместителем Председателя Совета революционного командования Иракской Республики Саддамом Хусейном.

В ходе переговоров, проходивших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, были обсуждены вопросы, касающиеся состояния и перспектив развития советско-иракского сотрудничества в различных областях. Особо было отмечено, что плодотворное сотрудничество между обеими странами строится на прочной основе Договора о дружбе и сотрудничестве, подписанного в Багдаде в апреле 1972 года.

Состоялся также обстоятельный обмен мнениями о положении на Ближнем Востоке и по некоторым другим международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Во время переговоров. Фото В. Егорова и А. Стужина (ТАСС).

ВИНОГРАДНИКИ ИЛИ БАЗЫ?

Дмитрий ВОЛЬСКИЙ

«Mare nostrum» — «наше море» — так правители Древнего Рима амбициозно называли Средиземноморье. Многие сотни лет спустя эти амбиции возродили стратеги НАТО. В их глазах Средиземноморский бассейн стал «южным флангом» атлантического блока, одним из главных форпостов империалистической экспансии. И не случайно: отсюда недалеко до рубежей социалистического содружества, здесь скрещиваются важнейшие морские пути, отсюда рукой подать до богатейших нефтяных месторождений Ближнего Востока. Вот почему НАТО попыталось превратить Средиземное море в нечто вроде своего «внутреннего озера», а на его благодатных берегах, среди виноградников, пляжей и оливковых рощ, выросли отгороженные колючей проволокой военные базы. И тюрьмы — в Греции «черных полковников», во франкистской Испании и в Португалии. Режимы фашистского типа служили самой прочной опорой стратегии милитаристов. Известные события в Греции и Португалии показали, что подобная опора по меньшей мере ненадежна. И вполне понятно, что теперь, когда Средиземноморье окончательно очищается от этой скверны, в штабах НАТО бьют тревогу: «южный фланг» блока повисает в воздухе.

В самом деле, нет ныне ни одного крупного объекта атлантического альянса и Пентагона в Средиземноморском бассейне и прилегающих к нему районах — от Турции до принадлежащих Португалии Азорских островов,— будущее которого было бы «гарантировано» в натовском понимании этого слова. Что же до практического использования аэродромов, портов и других военных сооружений в случае какого-либо конфликта, то сами атлантические генералы начинают сомневаться в такой возможности. По свидетельству агентства Ассошиэйтед Пресс, в Пентагоне считают весьма сомнительным, что удастся опереться на базы в Греции и Турции, если вспыхнет новая война на Ближнем Востоке. То же самое относится и к крупной американской базе на Азорских островах, через которую перебрасывалось оружие Израилю в октябре 1973 года. Новое португальское правительство дало понять, что впредь не допустит ее использования «во вред интересам арабов». Мало шансов и на превращение в антиарабский плацдарм военных объектов на Мальте, дорожащей дружбой с арабскими странами.

А между тем именно ближневосточному направлению придается сейчас особое значение в «средиземноморской доктрине» НАТО. И дело не только в том, что влиятельные круги в этом военном союзе хотели бы поддержать израильскую экспансию. Не менее опасны попытки империализма шантажировать интервенцией нефтедобывающие страны Ближнего Востока. Их хотят зажать в своего рода стратегические клещи: с одной стороны, создаваемая Пентагоном база на безлюдном атолле Диего-Гарсия в Индийском океане, с другой — плацдармы на Средиземном море. Отсюда во многом и проистекают упорные попытки сохранить и расширить эти плацдармы. Чего только не делается для этого! Терзают многострадальный Кипр, добиваются возобновления военной помощи Турции, дабы обеспечить там сохранность американских баз, пугают Запад «коммунистической опасностью в Португалии», давят на Грецию, приглашают испанских франкистов «заполнить потенциальный вакуум на «южном фланге». Вновь всплыли на поверхность планы подключения к атлантическому блоку и Израиля. Короче говоря, разрабатывается целый комплекс «ремонтных средств», в чем фактически соучаствуют и пекинские руководители, поддерживающие планы превращения Средиземноморья в постоянный очаг напряженности. Случайно ли, что они до сих пор не признали новый режим в Лиссабоне и потворствуют натовским проискам против Кипра? Но на чью бы поддержку ни опирались атлантисты, их курс в Средиземноморье так же устарел, как и вся «глобальная стратегия» империализма. Народы ряда стран Средиземноморья решительно заявили о себе. Сказав твердое «нет» проимпериалистической реакции, они добиваются теперь серьезных социальных перемен, прогрессивной перестройки общественных отношений. Это показал, в частности, успех левых партий на недавних выборах в местные органы власти в Греции.

Глубокие социальные преобразования переживает Португалия.

Спору нет, на северном, европейском берегу Средиземного моря происходят непростые процессы. Реакция в ряде стран активизируется: скажем, в той же Италии, где не прекращаются вылазки неофашистов. Да и в южной части бассейна достаточно сложная обстановка; арабским странам приходится бдительно следить за милитаристскими приготовлениями Израиля.

И все же в преддверии последней четверти XX века можно с уверенностью сказать: едва ли не повсюду в Средиземноморье происходят глубокие сдвиги в сознании миллионов людей. В конечном счете именно это, а не чья-то «подрывная воля» расшатывает здесь позиции агрессивных кругов империализма и, следовательно, способствует распространению на Средиземноморский бассейн общей тенденции к разрядке напряженности. В таких условиях те западные деятели, которые мыслят трезво, не могут не видеть, что цепляться за политику «mare nostrum» — опасное и бесперспективное занятие. Все более широкое осознание этой истины в значительной мере способствовало бы успешной работе общеевропейского совещания, подготовке к возобновлению женевской конференции по Ближнему Востоку, помогло бы оздоровить ситуацию в Средиземноморье.

ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! АКТИВНО БОРИТЕСЬ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ РЕШЕНИЙ XXIV СЪЕЗДА ПАРТИИ, ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ОБОРОННОГО МОГУЩЕСТВА НАШЕЙ РОДИНЫ!

ВЫШЕ ЗНАМЯ ВСЕНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ ЗА ДОСРОЧНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА 1975 ГОДА И УСПЕШНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1975 года.

ПЕСНЯ, СТАВШАЯ ДЕЛОМ

Сначала была песня. Хорошая песня, волнующая, и слова в ней тоже хорошие, романтичные: «И живу я на земле доброй за себя и за того парня...» Лучше не скажешь: есть ли возможность еще бережнее хранить память о погибших в борьбе с фашизмом солдатах, чем взять ее в свою сегодняшнюю жизнь, в свои дела? В декабре прошлого года молодые московские рабочие решили в честь погибших своих сверстников ежедневно выполнять по две трудовые нормы.

Смысл этого почина, собственно говоря, не нов, есть огромное множество примеров, когда передовики символически зачисляли в свою бригаду известного человека и выполняли за него уже не символическую, а реальную норму либо кто-то из ударников просто брал двойной план в честь грядущего общественного события. Вот и теперь: трудовая вахта в честь 30-летия Победы, двойная норма. Найдены верные, бьющие в самую цель слова — и словно ожили обыденные строки обязательства. К двадцатому декабря уже две тысячи комсомольцев Сокольнического и Бауманского районов столицы включились в новый почин. Еще через неделю последователей москвичей можно было найти, наверное, в любом городе нашей страны...

Говоря об истории почина (а он, несомненно, уже вошел в историю), нельзя не вспомнить день 6 января 1975 года. Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Повсюду расставлены осветительные лампы, лестницы и коридоры увиты толстыми кабелями от телепередатчиков, на каждом шагу — увешанные камерами фотографы. Ребята взволнованы, держатся группками — по четыре человека от каждого предприятия. Сейчас их будут фотографировать у почетного, легендарного, овеянного славой Знамени Победы. За моей спиной кто-то сказал:

— Смотрите, вон тот, черноволосый — Игорь Скриник... А рядом — Ирина Бондарева...

Они еще месяц назад и не подозревали, что станут знаменитостями. Инициаторы почина, вся страна с них пример берет!

Игорь и Ирина, выйдя из зала после фотографирования, были тотчас окружены своим же братом — рабочими. Вопросы задавались деловые: «Как включиться в почин тем, у кого нет конкретных норм выработки?» «Есть ли у инициаторов связь с семьями погибших героев?» «А у меня два рацпредложения, надо ли пересмотреть обязательства?» Да, это была очень необычная пресс-конференция, стихийная и молниеносная. Голоса слышались отовсюду:

— Я ведь после войны родился, а сейчас стал понимать, как люди в тылу для победы работали...

— ...У меня отец воевал. Я и сам недавно отслужил, но только теперь себя с ним ровней чувствую...

— ...К станку теперь, как к орудию, подхожу: осечку сделать совесть не позволит...

Это было в январе. А фотосъемка у Знамени тех, кто принял почин, продолжается по сей день. Тысячи снимков разлетаются по стране... Есть такая фотография — одна из первых — у Ирины Бондаревой, машинистки-завертчицы Московской кондитерской фабрики имени Бабаева. Есть она и у затяжчика обуви производственного объединения «Буревестник» Игоря Скриника. Только любоваться этими снимками им, наверное, особенно некогда. Рядом с заверточной машиной, у которой стоит Ирина, работает вторая такая же машина. Без машиниста. Да нет же, есть машинист — комсомолец Виктор Сережников. Только он погиб в воздушном бою под Москвой, и теперь Ирина работает за двоих.

Игорь Скриник, как и Ирина, тоже пришел на производство из ПТУ. Он лауреат премии Ленинского комсомола, в прошлом году на профессиональном конкурсе обувщиков завоевал право называться лучшим затяжчиком в стране. Специальность эта сложная, требует почти артистической ловкости и сноровки. Малейшая ошибка — и обувь будет оценена более низким сортом. А Игорь Скриник специально подчеркнул в своих обязательствах, что, кроме выполнения нормы на двести процентов, он будет сдавать продукцию только отличного качества! Словно бы не уходил с фабрики на фронт, словно не погиб в боях под Курском затяжчик обуви комсомолец Петр Максимов...

Так поступали и те, кто пришел сюда, на фабрику, в годы войны, чтобы сменить ушедших на фронт отцов. Тогда тоже выполнялись двойные нормы — за отцов, сражавшихся с фашистами, и летопись фабрики сохранила память о движении двухсотниц. Труд в тылу был подобен ратному подвигу — об этом говорит и боевой орден Красной Звезды, полученный в те годы затяжчицей Н. Гордеевой. Так что сегодняшний почин, ставший символом нашего дня, можно считать продолжением давней и славной традиции.

Этот снимок сделан на 2-м Московском часовом заводе. Здесь на трудовую вахту под девизом «За себя и за того парня» встало 1 400 комсомольцев. Четверо из них — Валерий Янушпольский, Александр Пилипенко, Татьяна Фомичева и Александр Ройтман — решили у себя в цехе № 5 выполнить норму за Алексея Левченко и Ивана Назарова, погибших в годы войны. Мы пришли в цех в тот день, когда ребята разыскали старую фотографию Ивана Назарова и его фронтовое письмо. Эти документы станут экспонатами музея — Назаров до войны работал в их цехе...

С. БОРИСОВ

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА

Под знаком тридцатилетия Победы над фашизмом и тридцатой годовщины Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Польской Народной Республикой прошла в Москве IV Всесоюзная конференция Общества советско-польской дружбы.

В числе гостей на конференции присутствовала делегация Общества польско-советской дружбы во главе с членом Политбюро, секретарем ЦК ПОРП, председателем главного правления ОПСД Яном Шидляком.

Товарищ Я. Шидляк вручил представителям Общества советско-польской дружбы «Орден заслуги», которым Государственный совет ПНР наградил общество за большой вклад в развитие дружбы и сотрудничества обеих стран. Конференция явилась яркой демонстрацией дружбы и единства советского и польского народов.

На снимке: во время вручения награды.

Фото В. Кузьмина (ТАСС).

Ия МЕСХИ
Фото Г. РОЗОВА

АТОМ ПОД АРАГАЦЕМ

См. 2-ю стр. обл.

Первое, что приходит в голову, когда стоишь у шахты этого реактора,— «Гидроцентраль». Так назывался роман Мариэтты Шагинян, появившийся в журнале «Новый мир» ровно 45 лет тому назад. Какая это была сенсация! Где-то за горами и долами, в далекой Армении строится мощная по тем временам гидроэлектростанция. Бушует стихия, кипят человеческие страсти, и на этом фоне, в трудностях, в борьбе, выковываются характеры строителей новой жизни. Образ главного инженера, руководителя стройки, человека широко эрудированного, волевого, хорошо понимающего, как нужна эта стройка для Армении, писался с Иосифа Андреевича Тер-Аствацатурова, выдающегося советского инженера, чьим именем теперь названа Дзорагэс...

Сейчас в густой паутине железной арматуры, в тяжелом бетоне и металлической броне рождается шахта реактора. Не далее как в этом году Армянская атомная электростанция вступит в строй.

Нынешний начальник строительства Армянской АЭС Аршалуйс Гегамович Меликсетян восстанавливал Днепрогэс, строил Гюмушскую станцию Севано-Разданского каскада. Строителей Дзорагэс, героев «Гидроцентрали», можно и сегодня увидеть у пульта. Владимир Павлович Мартынов — главный диспетчер Армэнерго, Артемий Александрович Ходжа-Эйнатов работает в управлении Армгидроэнергостроя.

Именно этому управлению и поручили строить Армянскую атомную. Тому самому, что 45 лет назад строило Дзорагэс. Расположено оно в том же самом здании, что и в те годы.

Начальник управления Константин Иванович Марутян привез нас на стройку атомной к подножию «свирепого бутона земли», горы Арагац, и «сдал на руки» главному инженеру строительства Геннадию Ивановичу Кутыловскому. И тут, глядя на молодое лицо Геннадия, мы подумали, что, конечно, много воды утекло в реках с той поры, как строили Дзорагэс. Чуть ли не все реки Армении успели оседлать плотинами и уже перешли на строительство тепловых, а теперь и атомных станций.

Узнав, что Кутыловский белорус, его пригласили в один армянский дом в Октемберянском районе, на территории которого строится АЭС. И хозяин дома рассказал ему, как в войну в одной разрушенной белорусской деревне появилась откуда ни возьмись старая крестьянка и накормила трех заблудившихся, падающих от голода солдат горячей белорусской картошкой. Можно было сказать спасибо, утереть губы и забыть. А можно помнить с благодарностью всю жизнь. И человек сохранил память.

Что с того, что ни Геннадий, ни его деды не строили Дзорагэс, никогда не видели Армении? Он приехал сюда не только построить, но и узнать и полюбить. Наверно, без любви к человеку, к земле ничего путного никогда не сделаешь.

Геннадий Кутыловский этого нам не говорил. Но мы были с ним на строительстве насосной у реки Севджур, а там знаменитый музей-заповедник «Мецамор» — центр металлургического и горнорудного дела времен третьего — первого тысячелетия до нашей эры. Геннадий Иванович, как старожил этих мест (уже пять лет здесь пробыл!), сам водил нас по холмам, сотворенным из красной лавы, показывая языческое святилище, обсерваторию, мастерские с плавильнями и даже куски шлака, что оставил древний металлург. Разве можно быть равнодушным к этой мудрой земле?

— А что оставим мы?— Это Геннадий обронил, не обращаясь ни к кому.

С мецаморских холмов отлично просматривалась вся панорама стройки АЭС. Поодаль виднелся поселок строителей (сейчас в нем две тысячи жителей, будет двадцать пять!). Поселок тоже назван Мецамором, как и доурартский промышленный центр. Вот ведь как хочется сближать время, понимать его, уважать его!

Строится атомная станция, как все ТЭЦ. Только, конечно, гораздо сложней. И не потому, что вместо котельной для нее возводится аппаратное отделение с шахтой реактора, да плюс еще вентиляционный цех с вытяжной трубой, да специальный санитарно-бытовой корпус и прочие спецкорпуса. Главная сложность состоит в том, что здесь больше, чем на любой ТЭЦ, необходимо предельно выдерживать все технические условия проекта, необходимо строить без малейшего изъяна, без даже крохотной надежды на то, что «авось сойдет». К этому обязывает атомное топливо, которое будет давать жизнь турбинам.

И так как станция начнет действовать на земле, которая хоть и считается древней, как мир, геологически еще весьма моложава и темпераментна (специалисты говорят — сейсмична), то строят ее с расчетом на девятибалльное землетрясение. Это усложняет дело многократно. Простой пример: на строительство Армянской АЭС арматуры требуется вдвое больше, нежели на строительство такой же станции в несейсмичном поясе.

Арматура, арматура! Ее видишь слева, справа, сверху, снизу. По ней балансируешь с ловкостью Олега Попова. Она, как тяжелые, мокрые рыбачьи сети, в которых повсюду трепещут серебряные хвосты электросварки. Работы много, она требует особой скрупулезности.

Кто же строит Армянскую АЭС, какой такой особый рабочий народ? Да тот же самый народ, который строил в Армении все гидро- и теплоэлектроцентрали. Другой пласт — монтажники, великие спецы, удел которых кочевать со стройки на стройку по всей стране. Наконец, третьи — те, кто не побоялся прийти сюда. Начальник строительства Меликсетян так и сказал — не побоялся. Наверно, интересно поговорить с теми, кто «не побоялся».

Чего не побоялся? Мы стали выяснять это у бригадира Рафика Вартаняна. Вся его комсомольско-молодежная бригада — местные ребята из Октемберяна. До АЭС строили школы, дома. Здесь в тысячу раз интереснее и в тысячу раз трудней. Этих трудностей они и не побоялись. Это раз.

Второе — молва. Ох, какая ходила среди жителей молва, когда началась стройка! Рафик смеется заразительно, изображая кумушек. Ведь они даже не понимали, что пока только стройка идет, «страшного топлива» еще не завозили. Приходилось объяснять им все по порядку. И что делается сейчас и что станет, когда станция вступит в строй. Повсюду будут дозиметрические пункты, наблюдающие за радиоактивным состоянием местности. И октемберянцы станут куда более охраняемы от излучения, чем кто-либо другой!

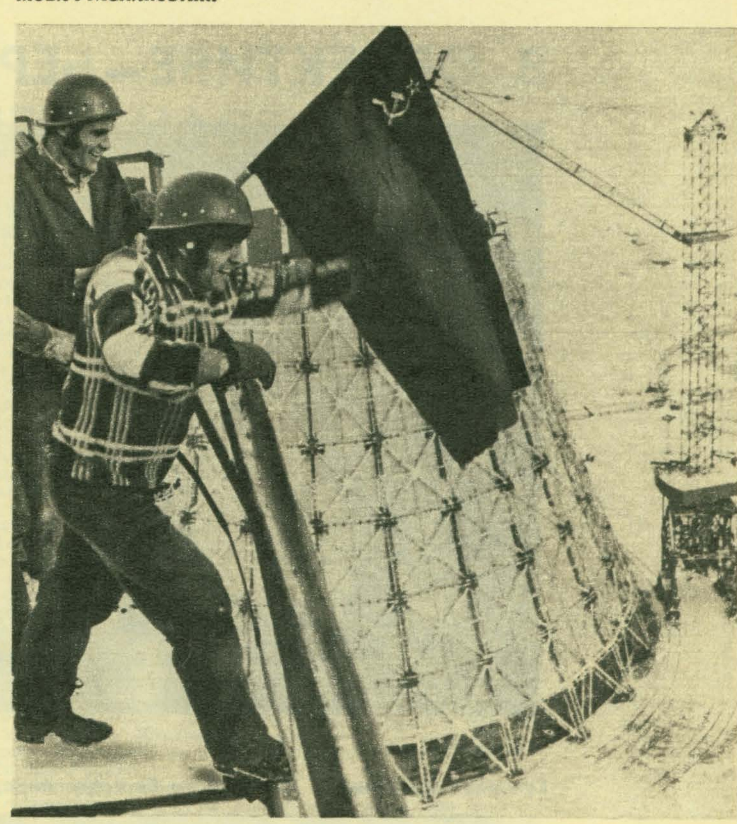
Скоро пустят первый энергоблок на 405 тысяч киловатт, за ним — второй. Мощности будут наращиваться. Такие, как Рафик, связывают свою жизнь со станцией, сначала строят, потом остаются в цехах...

Здесь все пленяет строгой красотой выразительных линий. Здания, облицованные мозаичными плитами, выглядят элегантно. Две грандиозные градирни, словно отраженные вершины Арарата, о чем-то беседуют с библейской горой. И все это, приподнятое над солончаковой равниной, зиждется на базальтовом пьедестале, который образовал другой могучий старец — Арагац. Основательно пришлось поработать взрывникам, чтобы строители смогли внедриться в эту неумолимую твердь.

Внедрились. И теперь уже крепко.

Начальник строительства АЭС Аршалуйс Гегамович Меликсетян.

На 13 дней раньше срока закончили монтаж градирни комсомольцы из бригады Владимира Бабаяна. Флаг трудовой победы водружают Альберт Саркисян и Владимир Мелкумян.

Герой Социалистического Труда бригадир монтажников Амбарцум Манукян.

КТО НАЗОВЕТ ИХ ИМЕНА?

КТО

Три десятилетия мира и счастья прошли с тех пор, как отгремели выстрелы последней войны. Но память солдатская свежа. Пожелтевшие фотографии, странички воинских писем, кажется, еще хранят горечь фронтовых дорог. С точностью до деталей оживает картина жаркого боя, звучит на устах имя любимого командира, не забудется клятва на могиле друга, погибшего накануне Победы.

О последних неделях войны, о незабываемых днях весны сорок пятого рассказывают участники штурма Берлина, откликнувшиеся на обращение «Огонька». Продолжаем публикацию этих писем.

В ОБЪЕКТИВЕ—БЕРЛИН

И началось!..

Начал я воевать с 25 июня 1941 года, участвовал в освобождении многих сел и городов, был шесть раз ранен. После взятия Белгорода наша 89-я гвардейская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия называлась Белгородско-Харьковской.

Всюду носил с собой фотоаппарат. А с 14 апреля 1945 года стал корреспондентом газеты 5-й ударной армии «Советский боец». Тогда и сделал эти фотографии, которые посылаю вам. Они еще нигде не печатались.

2 мая я тоже был на площади у Бранденбургских ворот, снимал ликовавших солдат.

В. ГОЛУБКОВ

Московская область, Павловский Посад.

Рейхсканцелярия взята.

Генерал-полковник Н. Э. Берзарин беседует перед рейхстагом с офицерами.

Девушка-регулировщица на улицах Берлина.

НАЗОВЕТ ИХ ИМЕНА?

Берлин, 1 мая 1945 года.

Победители.

ЭТОТ ДЕНЬ НАСТАЛ

Передо мной «Огонек» № 1 за январь 1975 года. Растревожил Е. Халдей старое, и знаете, за эти четыре дня, пока собрался написать вам, я прошел в памяти весь путь до Берлина. Начал войну под Старой Руссой в звании старшего сержанта, закончил в Берлине командиром дивизиона в звании майора.

16 апреля 1945 года под утро началась артиллерийская канонада. В воздух взметнулись ракеты, вспыхнули сотни прожекторов, ослепив противника и выхватив из темноты его огневые точки. Зрелище было огромной силы. Так началась битва за Берлин. Я командовал минометным дивизионом. Дивизион был придан 3-му батальону 905-го стрелкового полка. Командовал батальоном майор Андреев, боевой офицер, замечательный человек, который пришел на Одер от Сталинграда. Заместителем по политчасти батальона был капитан Долотин. От Кюстрина до Бранденбургских ворот мы прошагали вместе.

Особенно ожесточенные бои были в центре Берлина. Батальон наступал по направлению к Бранденбургским воротам. На площади Коха были огневые позиции моего дивизиона. Мы оказывали огневую поддержку пехоте, расчищая ей путь. До сих пор храню боевой отзыв о действиях моего дивизиона в период с 16 апреля по 2 мая. Пехота была довольна. Из каждого дома приходилось вышибать фашистов. Бывало, ворвемся в здание, займем первый этаж, а на втором — фашисты. Вышибем со второго, смотрим — внизу снова они. И снова бой в этом доме. Так дом за домом двигались к заветной цели — рейхстагу. Каждый понимал, что взятие рейхстага — это конец войне, и каждый хотел увидеть этот счастливый день.

Этот день настал. Слева на снимке здание, в нем и встретили мы рассвет 2 мая. Утром подошли подразделения пехоты, танки, артиллеристы, вышел и я со своими командирами батарей. Приехал с огневых позиций начальник штаба капитан Коршунов Николай Васильевич. Мы в кадр Халдея, к сожалению, не попали, хотя с ним самим разговаривали, он еще удивился, когда узнал, что мы пришли от Старой Руссы.

После митинга сфотографировали рейхстаг, оставили автографы и вернулись в подразделения, а на следующий день вся наша 22-я артиллерийская дивизия двинула на Эльбу. День Победы застал нас на берегу Эльбы, и больше я не встречался с теми, с кем штурмовал Берлин.

Сейчас я уже в отставке, пока тружусь в меру сил. У нас трое замечательных сыновей, все — курсанты военных училищ, отлично учатся.

Сердечный привет Е. Халдею. Сейчас, наверно, и не узнаем друг друга.

М. КОЗЛОВСКИЙ

Гродно.

И СНОВА—В БОЙ

На снимке я нашел себя и своего друга Белахмета Сулейманова. Я стою в пилотке и шинели справа под орудием танка и смотрю на человека, который нас в это время снимал, второй солдат в пилотке сзади — Сулейманов.

Наш 20-й отдельный противотанковый дивизион двигался к штабу дивизии. У Бранденбургских ворот проходил митинг, и мы вдвоем подошли. Я не помню фамилии человека, который выступал. Он поздравлял солдат с победой, говорил, что скоро закончится война.

Через несколько часов мы получили приказ двигаться в направлении Дрездена.

Войну я закончил в Праге.

К. КАЛТАЕВ, полный кавалер ордена Славы

Чимкент.

СВЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

15 апреля в Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялся объединенный пленум правлений творческих союзов и организаций СССР, посвященный 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Участники пленума — известные писатели, кинематографисты, композиторы, художники, театральные деятели, архитекторы, журналисты тепло встретили товарищей А. П. Кириленко, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, с большим воодушевлением избрали почетный президиум в составе Политбюро ленинского Центрального Комитета КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Выступившие на пленуме известные деятели литературы и искусства подчеркивали, что советская художественная интеллигенция с первых часов войны отдавала все свои силы борьбе за Победу нашего народа, что беспримерный подвиг советских людей в Великой Отечественной войне всегда вдохновлял и будет вдохновлять деятелей культуры на создание произведений, достойных нашего героического времени.

В речах выступавших звучала горячая благодарность Центральному Комитету КПСС, его Политбюро во главе с Леонидом Ильичом Брежневым за огромное внимание и отеческую заботу о развитии литературы и искусства, о дальнейшем процветании социалистической культуры.

Первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков открывает заседание пленума.

Фото А. Рубашкина.

В зале заседания пленума.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

— Вы спрашиваете, что составляет мое счастье? То, что я изучал труды Ленина, его великую жизнь,— говорит Петр Васильевич Васильев, народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии.

На стенах небольшой мастерской — хорошо знакомые портреты Владимира Ильича, его соратников, видных деятелей искусства. В центре на мольберте недавно законченное большое живописное полотно — вариант картины «Ленин выступает 1 Мая 1919 года перед рабочими».

В этой комнате часто бывали видные революционеры, хорошо знавшие Владимира Ильича и помогавшие художнику своими практическими советами.

А недавно в связи с 75-летием Петру Васильевичу вручили здесь орден Ленина.

Более пятидесяти лет работает мастер над образом вождя социалистической революции. Многие его рисунки и живописные полотна давно уже стали хрестоматийными. Его произведения находятся в Центральном музее В. И. Ленина, в Музее Революции, во многих городах нашей Родины и в пятнадцати зарубежных странах.

Первый ленинский портрет Петр Васильев создал в 1922 году. В то время он учился в Одесском художественном институте, занимался праздничным оформлением клубов, писал панно и лозунги для митингов и демонстраций, участвовал в субботниках. Однажды в институт пришли рабочие станкостроительного завода и попросили Петра Васильева написать ленинский портрет.

— Хотим портрет Ильича в клубе повесить, чтобы светлее стало,— сказали они.

Тогда было мало портретов Ленина. Художник вспоминает, что ему пришлось воспользоваться одним из фотоснимков, где Ленин изображен во время прогулки в Кремле в 1918 году выздоравливающим после болезни.

— Мой первый портрет Владимира Ильича,—признается Васильев,— во многом был схематичным. И все-таки рабочие приняли его с радостью. С завода пришла целая делегация, они благодарили за работу и просили продолжить начатую тему. «У нас на заводе есть портрет вождя, а у других еще нет»,— говорили они.

Так ленинская тема вошла в творчество художника и осталась с ним навсегда. В том же году он создал около сорока рисунков и представил их на выставку студенческих работ.

— Прежде всего,— вспоминает Петр Васильевич,— я решил их остеклить, полагая, что рисунки, посвященные Ленину, должны быть хорошо оформлены. Стекла достать было нельзя, и я вынул их из рам комнаты, которую снимал. Стояла зима. Пришлось перебраться в институт и жить на чердаке...

Эти работы Васильева имели успех у студентов. Он даже получил премию — семь миллионов рублей, цифра по нынешним временам баснословная, но в те годы фунт хлеба стоил почти миллион.

Настоящая, серьезная работа, порой мучительная от неудач, но всегда наполненная ощущением радости, началась после того, как с рисунками Васильева познакомилась Надежда Константиновна Крупская. Некоторые из них она похвалила, другие предложила переделать. Она высказала замечания по каждой из работ и, закрывая папку, объяснила:

— Надо изучать, надо много читать Ильича, и это поможет вам найти правильный образ... Не многим пока еще удалось правильно изобразить Ленина... Работать надо много.

Дважды довелось художнику показать Надежде Константиновне свои рисунки, выслушать ее замечания и советы. Они стали той основой, фундаментом, на котором выросло большое, впечатляющее здание васильевской Ленинианы.

Читая сочинения Ленина, беседуя с людьми, хорошо его знавшими, знакомясь с воспоминаниями сподвижников, Васильев старался показать его в гуще событий, среди людей — вождя, трибуна, пламенного революционера.

— Нет темы более великой и вечной,— словно сам с собой размышляя, говорит Васильев.— Она всегда будет доминирующей в искусстве и всегда будет очень трудной.

Художник, не щадя сил, работал, изучал лучшие из созданных к тому времени произведений, посвященных Ленину, Н. А. Андреева, Г. Д. Алексеева, И. И. Бродского, И. Э. Грабаря, И. Д. Шадра. Видя такой энтузиазм и увлеченность, его с удовольствием консультировали Е. М. Ярославский, Н. И. Подвойский, А. М. Горький, Г. И. Петровский, двоюродный брат Владимира Ильича Н. И. Веретенников. Особенно ценной была помощь Ярославского, который сам был художником-любителем. Иногда он поправлял что-то в рисунках Васильева, стремясь к тому, чтобы облик вождя был более верным.

С тех пор художник создал известные живописные портреты Владимира Ильича и более тысячи рисунков. Они выполнены тушью и акварелью, сангиной или белым карандашом на тонированной бумаге. Ленин выступает, беседует с ходоками, с солдатами в вагоне по дороге в Петроград, с путиловцами в Смольном. Он изображен в Разливе, в Горках, в Кремле. На митингах, на II конгрессе Коминтерна, на Всероссийском субботнике. В дни Октября, с крестьянами, у Горького. Ленин аплодирует, слушает, работает за столом... Все эти произведения давно живут в нашей памяти. Вместе с лучшими работами других советских художников из них складывается тот живой и близкий образ Ильича, который мы знаем и любим, который с нами всегда.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

П. Васильев. Род. 1899. ПОРТРЕТ В. И. ЛЕНИНА.

И. Грабарь. 1871—1960. В. И. ЛЕНИН У ПРЯМОГО ПРОВОДА.

И. РАКИТИН

ИЗВЕСТНА ВСЕЙ РОССИИ

Ленинские места... Много их в нашей стране. Но все их мы знаем и свято чтим.

Алакаевка — одно из этих мест. Здесь весной 1889 года начался самарский период в жизни молодого Владимира Ильича Ленина — период, длившийся более четырех лет. По свидетельству А. И. Ульяновой-Елизаровой, именно в те годы «складывалась и оформилась окончательно его революционная физиономия».

Давно я собирался побывать в Алакаевке: неподалеку отсюда мои родные заволжские места. И вот наконец приехал. Но где же малоприметная деревушка Алакаевка? Нет ее, нет вокруг и былой степи. Глазам открывается чудесный пейзаж, чем-то напоминающий ландшафт южной садоводческой Молдавии. И если б не дорожный указатель с надписью «Алакаевка», можно было бы вообще проехать мимо и не признать знакомые места.

В последний раз побывал я тут в голодном 1922 году, проездом из Самары вместе с председателем Тростянского волисполкома коммунистом Михаилом Кутушиным. Тогда я работал секретарем сельсовета соседней деревни Михайловки и был с Кутушиным на совещании в уездном исполкоме.

Гнетущее впечатление производила тогда Алакаевка. Многие дома зияли раскрытыми остовами крыш: солома была скормлена уцелевшему скоту. Во дворах стояли коровы, подвязанные веревками. Однако лица жителей были радостными: только что вернулись ходоки от Ленина во главе с Кузьмой Фроловым. И не с пустыми руками! 700 пудов семян на засев ярового клина, 500 пудов овса, 100 пудов гороха, 100 пудов муки — вот чем порадовала Москва Алакаевку по ходатайству Владимира Ильича в Президиум ВЦИК.

В конце телефонограммы Ленина были такие слова:

«Так как я был с этой деревней знаком лично, то считал бы политически полезным, чтобы крестьяне не уехали без какой-либо помощи наверняка».

В расписке представителей Алакаевки говорилось:

«...Возвратясь домой, в Самарскую губернию, удостоверим пославших нас крестьян, что в центре действительно проявляется сугубая забота к преодолению великого голодного бедствия и что наш великий вождь тов. Ленин принял близко к сердцу все нужды пострадавшего крестьянства».

Фролов, рассказывавший нам об этом «великом походе» делегации алакаевцев к Ленину, буквально ликовал: «Честное слово, мы и не рассчитывали на столь щедрый дар Москвы...»

Тогда, в 1922 году, по дороге в родную Тростянку — она в 12 километрах от Алакаевки,— Кутушин, всецело находившийся во власти рассказа Фролова о его пребывании в Москве, убежденно говорил мне, еще юному комсомольцу:

— Запомни, друг, это только начало будущего Алакаевки. Деревня эта, пожалуй, со временем станет известной по всей России... Ведь Ленин жил в ней.

Слова Кутушина оказались пророческими: в 1934 году в Алакаевке по инициативе ее жителей, поддержанной вышестоящими организациями, был создан Музей В. И. Ленина. В 1970 году, когда праздновалось столетие со дня рождения Владимира Ильича, он был преобразован в мемориальный Дом-музей.

Иду к музею от автобусной остановки по обсаженной березами и залитой асфальтом улице, носящей имя вождя. На фасаде дома мемориальная доска с надписью:

«Здесь жил Владимир Ильич Ленин в 1889—1893 гг.».

Семья Ульяновых, переехав из Казани в Самару, купила этот дом в начале 1889 года. Здесь она надеялась хоть на весну и лето избавиться от осточертевшей полицейской опеки. Увы, этого не произошло! Едва только Ульяновы появились в Алакаевке, как из Самары поступило донесение в Петербургский департамент полиции:

«...4 минувшего мая прибыла состоящая под гласным надзором полиции дочь действительного статского советника Анна Ульянова на хутор при дер. Алакаево, Богдановской волости, Самарского уезда... Вместе с ней прибыли ее мать, сестры Ольга и Марья, брат Владимир, состоящий под негласным надзором полиции и бывший студент, сын крестьянина Марк Тимофеев Елизаров, человек сомнительной политической благонадежности...»

Фотокопию с донесения можно увидеть в музее так же, как и другие документы, свидетельствующие о неотступной слежке за семьей Ульяновых в Алакаевке. Здесь экспонируются и воспоминания жителей деревни о встречах с юным Лениным. Тут же картины советских художников Б. Лебедева и П. Сабанова, посвященные Владимиру Ильичу, и многие документы, которых не увидишь нигде, кроме Алакаевки.

Об этих доументах просто и доходчиво рассказывает посетителям музея его директор и главный экскурсовод Владимир Иванович Мартынов, много лет работающий здесь.

В музее пять мемориальных комнат. Они, как и весь дом, восстановлены в том виде, в каком были при жизни Ульяновых.

Естественно, с наибольшим волнением посетители осматривают комнату Владимира Ильича. Невелика она и скромна. Простая железная кровать, окрашенная белой эмалью и покрытая белым пикейным одеялом. На стене — портрет Н. Г. Чернышевского. За изголовьем кровати — этажерка с учебниками по юриспруденции, книгами и журналами.

На письменном столе керосиновая лампа, дешевенький чернильный прибор, стопка бумаги, канцелярские счеты, раскрытая книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Рассматриваешь эти вещи и книги, и кажется, вот-вот войдет сюда сам Владимир Ильич.

Такое же чувство испытываешь и в самой большой комнате музея, в ней Ульяновы обедали и отдыхали всей семьей. Здесь Ильич играл в шахматы со своим братом Дмитрием и наезжавшими гостями. Здесь же участвовал он не раз в домашних концертах. Тут с сестрой Ольгой исполнял на французском языке под аккомпанемент рояля мало кому известный тогда «Интернационал».

В ясные дни Владимир Ильич строго по заведенному им расписанию уходил с книгами в большой сад, там был у него «зеленый кабинет», со столом и скамейкой, сделанными его руками.

— Этот сад,— поясняет Владимир Иванович,— посажен у Домамузея заново, так как прежний был вырублен новым хозяином, который купил дом у Ульяновых в 1893 году. Кустарники и деревья сажали с помощью старожилов Алакаевки,— они припомнили, где и что росло здесь при семье Ульяновых.

Владимир Ильич очень любил этот сад: здесь летом, а зимой в Самаре он готовился к сдаче экстерном экзаменов за курс юридического факультета Петербургского университета; штудировал труды Маркса и Энгельса.

Все этапы пути Владимира Ильича на заре его революционной деятельности, начавшейся еще в Казани, продуманно отражены в экспозиции музея. Поэтому перед посетителями музея открываются новые штрихи ленинского облика.

Большая ценность музея в Алакаевке бесспорна. И не случайно поток экскурсантов сюда год от года растет.

А для жителей самой Алакаевки Дом-музей — бесценная реликвия. Ревностно берегут они память о великом вожде. Уже вскоре после Октябрьской революции здесь была построена первая за годы существования деревни школа, которой присвоили имя Ленина.

В 1919 году алакаевские крестьяне отправили в Москву два вагона хлеба. В том же году Владимир Ильич душевно беседовал с представителями Алакаевки на VII Всероссийском съезде Советов.

Следуя заветам Ленина о коренном переустройстве деревни, Алакаевка в 1927 году приобрела тракторы. А два года спустя создала один из первых на самарской земле колхоз «Уголок Ленина».

В тридцатые годы делегаты от Алакаевки были участниками I Всесоюзного съезда колхозников, XVII Всероссийского и VII Всесоюзного съезда Советов от Средней Волги. Здешний крестьянин К. Д. Филиппов избирался членом ВЦИК. Кстати, именно ему Ульяновы подарили в Алакаевке азбуку. С ее помощью он научился читать и писать и стал одним из первых грамотеев в деревне со 197 жителями, которые в 1889 году не знали даже начатков грамоты.

Как далеко отнесло те годы! Неузнаваемой стала Алакаевка. Не найдешь в ней следов печального прошлого — соломенных крыш да кособоких избушек. Все здесь «с иголочки». Добротные двухэтажные, светлого кирпича дома — с газом, лампочками Ильича, центральным отоплением, телевизионными антеннами. Залюбуешься прекрасным зданием школы и Домом культуры, гостиницей. Есть здесь и хорошие детские сады и ясли, библиотека, радиоузел, бытовой комбинат, столовая, ремонтно-механические мастерские для сельхозтехники...

На фоне всех этих новостроек выделяется торговый центр. Во всю ширь и высь его торцовой стены — многометровое цветное панно, отображающее самарский период жизни Ленина.

Около тысячи жителей насчитывает сейчас Алакаевка; почти все взрослое население трудится в садах, ягодных питомниках, полевых угодьях и на животноводческих фермах плодосовхоза «Ленинский».

Поднявшись на широкий холм, я долго еще любовался совсем курортной панорамой.

И вспомнился мне в эти минуты далекий голодный 1922 год, когда я вместе с Михаилом Кутушиным с этого самого холма печально глядел на унылую Алакаевку. И словно наяву услышал я слова председателя волостного исполкома: «Деревня эта, пожалуй, со временем станет известной по всей России...»

Зента Казуле, инженер Анта Каките и архитектор Александр Салдайс обсуждают проект застройки центрального поселка.

Во Дворце пионеров. Открытый урок — для мам.

15 ИЮНЯ — ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЕ СОВЕТЫ СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Э. ЭТТИНГЕР,
Ю. КРИВОНОСОВ

ЗАБОТЫ КА

Главное — все помнить. Нет, блокнот, конечно, тоже всегда под рукой, и в нем ничего не пропущено, но все равно помнить — лучше. Тогда мысли вроде бы сами собой обкатывают каждый вопрос, как море камешки. И что бы ни делал, чем бы ни занимался, эта шлифовка идет и идет, пока вдруг не становится ясным, какое решение следует принять и как его лучше выполнить.

Зента Казуле, председатель Стопинского сельского Совета, уже привыкла к такой постоянной напряженной работе мысли, к множеству каждодневных забот.

Совет этот находится неподалеку от столицы Советской Латвии — Риги, и, кроме шести поселков, в него входят отдельные островки хуторов. И сложностей тут — хоть отбавляй. С одной стороны, люди привыкли из поколения в поколение жить обособленно. Когда-то это, может, и было хорошо, а теперь неудобно: магазин далеко, доктор далеко, школа далеко. Начался процесс стягивания к единому центру, но и с традициями рвать трудно. Стали нащупывать пути, как помочь людям легче приобщиться к новому, и поняли: нужен генплан. И он уже есть. И возможности для его осуществления имеются. Опора — предприятия, расположенные на территории Стопинского Совета, их здесь немало: совхоз «Улброка», войлочный комбинат, комбинат стройматериалов, НИИмеханизации и электрификации сельского хозяйства республики, передвижная мехколонна «Латвмежколхозстроя» и другие учреждения. Словом, хозяйство большое и сложное. И вопросов много, самых разнообразных. А чтобы решать их со знанием дела, создано восемь постоянных комиссий сельского Совета. Работают в них депутаты, и помогает им многочисленный актив.

Должна Зента знать тут всякого человека — и знает и старается каждому помочь организовать свою работу, научить искусству руководства, причем научить быстро: ведь срок полномочий депутата сельского Совета всего два года. А самой Зенте еще только тридцать — возраст знаменательный, потому что, как она считает, быть ровесником Победы

Еще одна проблема...

...ждого дня

весьма ответственно. Это — поколение, принявшее эстафету жизни из рук воинов, которые только что вышли из невиданных в истории битв. Достойно несет эту эстафету крестьянская дочь Зента Казуле, у которой такая типичная для ее поколения биография: школьница, токарь, слушатель совпартшколы, работник комбината стройматериалов и вот

Субботник.

В кругу семьи.

теперь председатель сельсовета. Четвертый год возглавляет она Совет. Скоро новые выборы, и надо отчитаться о сделанном. А сказать есть о чем: создан детский комбинат, какому и столица республики может позавидовать, успешно выполняется план благоустройства, помогли предприятиям работать ритмично, перевыполняя задания, добились, чтобы все ученики восьмилетних школ учились и дальше, сделали много других добрых дел. Не зря же Зенту посылали в Киев на совещание председателей сельских Советов — ей было доверено представлять там Латвийскую ССР. И с большим интересом слушали участники совещания ее выступление о практике работы Стопинского сельского Совета.

А забот не убывает, и так будет, наверное, всегда, потому что нет предела совершенствованию жизни.

Зенту Казуле часто можно встретить на комбинате стройматериалов, где она еще недавно была парторгом.

Заседает исполком сельсовета.

Вл. ВОРОНЦОВ

ЭТО БЫЛО НА СТАВРОПОЛЬЕ

Когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, тысячи ставропольцев в первый же день войны обратились в военкоматы с просьбой направить их на фронт добровольцами. На места ушедших к станкам, к рычагам тракторов и штурвалам комбайнов вставали женщины, старики, подростки.

Краевая партийная организация, возглавлявшаяся тогда Михаилом Андреевичем Сусловым, являющимся ныне членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС, с первых же дней войны подняла трудящихся края на оказание всемерной помощи Красной Армии.

Еще в гражданскую войну ставропольцы под водительством талантливых полководцев-самородков Ивана Кочубея, Иосифа Апанасенко, Петра Ипатова, Константина Трунова громили белую контрреволюцию, защищая молодую Республику Советов. С началом Великой Отечественной войны ветераны гражданской писали в своем обращении:

«Наше место — на фронтах борьбы с немецкими насильниками. Мы призываем вас, старых партизан, организовать боевые подразделения, батальоны и полки, создать Ставропольскую кавалерийскую дивизию».

Бывший командир 33-го кавалерийского полка И. Я. Ледовский, выражая настроение многих, сказал:

— Как я буду сидеть дома, когда у меня десять племянников бьют немца да два брата недавно поехали в кавалерийский корпус Доватора? Драться — так уж всей семьей. Скорее расправимся с фашистской сволочью.

Талантливый поэт Эффенди Капиев в глубоко волнующем стихотворении «В бой», написанном в декабре 1941 года, обращается к партизанам:

...По коням, орлиное племя!
Страна нас на подвиг зовет!
В суровое, грозное время
Мы смотрим спокойно вперед.

Нам выпала доля святая —
В жестокой борьбе победить.
Фашистских стервятников стая
Грозит наше солнце затмить.

...Вперед, партизанское племя,
На подвиг страна нас зовет!
Суровое, славное время
Крылами орлиными бьет.

...Не наша ли молодость снова
Бросает нас в седла, друзья?
Не голос ли Кости Трунова
Бушует, фашистам грозя?

Встает из могилы Ипатов.
— В поход, казаки! Не робей! —
По вьюжным степным перекатам
Скликает бойцов Кочубей.
Не пепел ли прошлых пожаров

Щемит наше сердце опять?..
Ответим же, братья, ударом!
Неужто мы прожили даром?..
Костей палачам не собрать!

...Палач не минует расплаты.
Идем мы бессмертной тропой,
Сверкающей славой объяты,
В последний, решающий бой!

Не одну кавалерийскую часть поставил Ставропольский край под знамена Вооруженных Сил страны социализма. И где бы ни сражались, они неизменно были в числе самых отважных. Много их служило во втором гвардейском кавалерийском корпусе, которым командовал в начале войны генерал-майор Л. М. Доватор. В одном из своих писем руководителям края прославленный генерал писал:

«Командовать такими славными патриотами, как ставропольцы,— счастливая доля».

Генерал-майор Плиев, принявший командование корпусом после гибели Доватора, также тепло отзывался о воинах-ставропольцах. «Присланные вами казаки-добровольцы — это самый ценный подарок для нашего корпуса»,— писал он.

Не меньший героизм проявляли те, кто работал в колхозах, совхозах, на предприятиях края. На фронт шли тысячи тонн хлеба, мяса и овощей. Десятки миллионов рублей из личных сбережений было отдано населением на строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник», бронепоезда «Комсомолец Ставрополья» и звена боевых самолетов «Пионер Ставрополья». Население собирало и изготавливало для Красной Армии теплые вещи: валенки, полушубки, меховые и ватные жилеты, куртки, шаровары, шапки-ушанки, кавказские бурки, рукавицы и перчатки, носки и портянки.

Часто к фронтовикам выезжали делегации трудящихся. Отправлялись эшелоны с подарками, где было все, чем богат край: мед и сахар, сало и масло. Но всего дороже для бойцов были вложенные в каждую посылку задушевные письма. Дружеские встречи посланцев края с фронтовиками укрепляли уверенность в победе над ненавистным врагом.

Выступая перед гвардейцами 2-го кавалерийского корпуса, колхозник В. П. Серков из станицы Зеленчукской сказал:

— Слушайте, сыны мои! У меня пять сыновей, все они на фронте. Я остался с пятнадцатью внуками. Мне шестьдесят пять лет, и нелегко мне порой бывает. Но от своего имени, от имени своих внуков, от имени колхозников края я говорю вам: «Гвардейцы, крепче бейте фашистов, выполните полностью свой долг, а мы в тылу тоже перед Родиной свой долг выполним полностью».

В самом начале войны санатории Кавказских Минеральных Вод были переоборудованы под госпитали. Эвакогоспитали были организованы во многих населенных пунктах. Всюду, где они создавались, были образованы комитеты помощи раненым, подготавливались медицинские сестры, организовывалось донорское движение. Каждое предприятие, колхоз и учреждение шефствовали над каким-либо госпиталем.

В то трудное время Ставрополье стало также родным домом для эвакуированных, прибывавших на Северный Кавказ из районов, оккупированных врагом. Тысячи людей нашли здесь убежище от фашистских извергов. Всем им ставропольцы оказали радушный прием, по-братски делили с ними хлеб-соль.

Так прошел на Ставрополье первый год Великой Отечественной войны. Летом 1942 года гитлеровцы, прорвав оборону Южного фронта, устремились на Кавказ и к Волге. Красная Армия отходила за Терек с тем, чтобы, закрепившись там, не пустить врага в Закавказье. В это тяжелое время, предшествовавшее оккупации Ставрополья немцами, краевой комитет партии решал три основных задачи: эвакуация в глубь страны находившихся в госпиталях раненых красноармейцев, а также части населения, в первую очередь специалистов; вывоз в безопасные места наиболее ценного имущества, и организацию в тылу врага партизанского движения для борьбы с захватчиками. И хотя противник продвигался очень быстро, а налеты вражеской авиации парализовали железнодорожный транспорт, усилия партийных и советских организаций, самоотверженность населения позволили эвакуировать почти 50 тысяч раненых бойцов и командиров, угнать за Терек около миллиона голов скота, 950 тракторов и вывезти большое количество хлеба, шерсти, банковские ценности.

В августе 1942 года на Северном Кавказе стояла невыносимая жара. Задыхаясь в пыли, по всем проселочным дорогам шли на восток и на юг тысячи людей. Уходили целыми семьями. Фашистские стервятники нападали на колонны беженцев, бомбили, расстреливали из пулеметов, а люди все шли и шли вперед. Было горе, была горечь потерь, но была и решимость бороться с ненавистным врагом.

3 августа 1942 года после ожесточенной бомбежки гитлеровцы заняли Ставрополь. Последними его оставляли руководители края.

Группа ставропольских партизан с начальником краевого штаба партизанского движения М. А. Сусловым (во втором ряду в центре) после награждения их орденами и медалями.

Первый секретарь крайкома партии М. А. Суслов и председатель крайисполкома В. А. Шадрин уходили из города буквально под огнем немцев. А через несколько дней они покидали Пятигорск. В спешном порядке создавались партизанские отряды. Их ядро составляли истребительные батальоны, имевшиеся в каждом районе и городе. Было решено, что одна группа партизанских отрядов должна базироваться на востоке, вблизи Кизляра, другая — в горах Карачая. Командиром Восточной группы был назначен второй секретарь райкома КПСС М. И. Золотухин, командиром Карачаевской группы — секретарь крайкома партии И. П. Храмков. Руководил всеми боевыми действиями партизан организованный в составе крайкома партии краевой штаб партизанского движения, начальником которого стал М. А. Суслов, являвшийся одновременно членом Военного совета группы войск Закавказского фронта.

Первые бои партизан с оккупантами развернулись в Карачаевской области. Даже не оккупировав полностью Ставрополье, немцы сразу же устремились в горы, чтобы захватить перевалы, ведущие в Закавказье и к Черному морю. До наступления врага Кавказский хребет казался неприступной преградой на пути его войск. На это и рассчитывало вначале командование Советской Армии. Но немцы заранее подготовились к преодолению горных перевалов, имея для этих целей дивизию «Эдельвейс». Нужно было любой ценой не пустить врага на перевалы. Партизаны взрывали мосты и переправы, заваливали деревьями и камнями горные дороги и тропы. Своими дерзкими нападениями на вражеские колонны они наносили им большой урон. В этих жестоких схватках несли большие потери и партизаны. Были убиты первые секретари Черкесского и Карачаевского обкомов партии Г. М. Воробьев, М. Г. Романчук и многие коммунисты. Тяжело было биться с хорошо вооруженным и численно превосходящим противником.

На востоке, в ставропольских степях, первый бой врагу был дан 18 августа 1942 года партизанами Гофицкого района. Прикрывая эвакуацию скота и сельскохозяйственной техники, 20 патриотов, вооруженных лишь винтовками, встретили колонну автомашин с 250 фашистами, вооруженных легкими орудиями и пулеметами.

Партизаны дрались до последней капли крови. В живых остался только И. П. Лежебоков. Его, тяжело раненного, окровавленного, фашисты сочли убитым. Ночью партизана подобрали колхозники и долго его лечили. Он-то и поведал о смертном бое с фашистами и о героической гибели своих товарищей.

Фашисты хозяйничали в Ставрополье около шести месяцев, успев совершить за это короткое время столько чудовищных злодеяний, что забыть их невозможно.

«Новый порядок», который пришли устанавливать фашисты на нашей земле, заключался прежде всего в безжалостном, изощренном уничтожении советских людей. Гитлеровцы расстреливали, вешали и травили в душегубках женщин, детей, стариков. Несколько десятков тысяч мирных жителей края стали жертвами гитлеровских извергов. Одновременно оккупанты грабили колхозы, совхозы, промышленные предприятия, вывозили в Германию коров, овец, свиней, кур, гусей, а то, что не могли увезти, уничтожали. Ущерб, причиненный ими народному хозяйству края, составил свыше 14 миллиардов рублей.

После изгнания оккупантов в Ставрополье приехал представитель Центральной комиссии по расследованию преступлений оккупантов писатель А. Н. Толстой. Рассказывая о грабежах и зверствах фашистской армии, А. Н. Толстой писал в статье «Коричневый дурман»:

«Как мог немецкий народ пасть так низко, чтобы его армия совершила дела, о которых тысячу лет с омерзением и содроганием будет вспоминать человечество? Каким раскаянием, и какими делами немцы смогут смыть с себя пятно позора?» Это пятно, продолжал писатель,— нацизм.

Кровавым террором и грабежами фашисты пытались поставить советских людей на колени. Но они просчитались. Ставрополье временно было оккупировано, но не покорено. В тылу врага в одиночку, группами и отрядами действовали народные мстители. С каждым днем партизанское движение ширилось, особенно в восточных и юго-восточных районах.

Открытые степи Ставрополья, где нет лесов, удобных для маскировки, обусловили особенности тактики партизанской борьбы. Многие партизанские отряды сражались против немцев бок о бок с частями Советской Армии. Хорошо ориентируясь на местности, они оказывали командованию армейских частей большую помощь. Но особенно отличились партизаны своими дерзкими рейдами на территорию, занятую гитлеровцами. Эти рейды наводили ужас на оккупантов. В конце сентября 1942 года в течение десяти дней несколько партизанских отрядов действовали в немецком тылу в 150 километрах от линии фронта, заняли много населенных пунктов и, уничтожив находившихся в них оккупантов и полицаев, отбили у противника шесть тысяч овец и привели с собой «языка» — немецкого офицера.

С 4 по 9 октября 1942 года был проведен рейд еще трех отрядов на территории Наурского района. Тогда же партизаны подбили немецкий одномоторный разведывательный самолет и захватили документы, содержавшие ценные сведения.

15 октября сводный партизанский отряд атаковал вражескую группировку близ села Владимировка. Партизаны уничтожили четырех немецких офицеров, трех солдат и двух белоказаков, а также автомашину с рацией. В этой схватке понесли потери и партизаны: был убит отважный руководитель партизанской группы секретарь Благодарненского райкома партии Однокозов и командир взвода разведки Скляров.

Дерзкие налеты партизан встревожили оккупантов. В перехваченных письмах немецких офицеров и солдат часто встречались такие панические слова: «Земля здесь обширная; бесконечные степи, хлеба, масла, мяса много, но люди здесь страшные, стреляют из-за угла, убивают чем попало наших солдат и офицеров. Под постоянным страхом находимся мы на этой проклятой земле».

Командование гитлеровских войск не могло не сделать вывода о том, что партизанским движением руководит какой-то центр. Вскоре немцы установили местонахождение краевого штаба партизанского движения и решили его уничтожить.

Краевой штаб находился в Кизляре. Вечером 19 ноября штаб под руководством товарища Суслова М. А. обсуждал деятельность партизанских отрядов восточной группы. Докладывал о ней М. И. Золотухин. Во время заседания в соседней комнате всего в двух метрах раздался сильный грохот. На головы присутствовавших на заседании посыпались куски штукатурки, погас свет. В кромешной

темноте начальник краевого управления НКВД В. М. Панков устроил перекличку членов краевого штаба: Суслов, Золотухин, Шадрин... По счастливой случайности все оказались живы. Но смерть буквально была рядом. Немецкий самолет вышел на цель очень точно. Путь ему указывал ракетами какой-то лазутчик. Фактически штаб спасли добротные стены старинного купеческого дома. Бомба, взорвавшись в одной комнате, не смогла поразить людей, находившихся в другой. Тем не менее немцы оповестили население о том, что краевой штаб большевиков уничтожен.

Но партизанский штаб продолжал действовать. Он поднимал на борьбу с врагом все новых и новых патриотов.

Одним из героев народной войны стал сын сельского учителя села Величаевского, Левокумского района, комсомолец Александр Скоков. Шел ему в ту пору восемнадцатый год. Смелый и хороший организатор, Саша Скоков подобрал надежных товарищей-комсомольцев. Вступая в организацию, они давали клятву: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, выполняя свой долг перед матерью Родиной, вступаю в антифашистское подполье. Торжественно клянусь: строго хранить тайны подполья, срывать всякие мероприятия немецких властей, уничтожать на каждом шагу без жалости и пощады, не щадя кровь свою и даже жизнь, немцев и их прихвостней, продавших честь и свободу Родины и народа».

Молодые подпольщики сообщали руководству партизанских отрядов и частей Красной Армии ценные разведывательные сведения, направляли партизанам взрывчатку, скрывали от врагов раненых красноармейцев. Александр Скоков часто переходил линию фронта, выполнял задания разведки 4-го гвардейского кавалерийского корпуса. Благодаря доставленным им данным осенью 1942 года удалось успешно разгромить гитлеровские части в районе Ачикулака.

Александр Скоков и его товарищи не дожили до победы. Они были преданы и зверски казнены. Но их подвиг будут помнить всегда. Советское правительство присвоило Александру Скокову посмертно звание Героя Советского Союза.

Борьба величаевских молодогвардейцев — лишь один из примеров жгучей ненависти советских людей к фашистским стервятникам. Никогда не будет забыто имя Геннадия Голенева, отважного юноши из города Ставрополя, которого озверевшие фашисты бросили в горящее здание. Не будут забыты разведчики Раиса Самохвалова, Дмитрий Ракотянский, отважные партизанки Аня Шилина и Таня Паюк и многие, многие другие.

Окружение и разгром немцев под Сталинградом стали поворотным пунктом войны. Еще шли бои на улицах города-героя, еще не капитулировал Паулюс, но все уже говорили о нашей великой победе на Волге.

Начало 1943 года ознаменовалось наступлением советских войск на всех фронтах. Двинулась вперед наша армия и на Северном Кавказе. 3 января штурмом был освобожден город Моздок, 4 января гитлеровцев вышибли из города Нальчика, 11 января — из городов Кавминводской группы.

Ломая оборону немцев, Советская Армия продвигалась вперед. Наголову разбитые части оккупантов панически бежали, бросая на дорогах боевую технику, танки, машины, оставляя имущество и склады.

Выполняя указания краевого штаба, партизанские отряды своими силами освободили от оккупантов несколько районов.

Группа Николая Андреева вывела из строя железную дорогу, ведущую в глубь края, лишив тем самым врага возможности увезти в Германию награбленное им добро.

Немцы хотели удержаться в краевом центре. Но командование 44-й армии, проведя ночную атаку, овладело Ставрополем. В тот радостный день Государственному Комитету Обороны была направлена телеграмма:

347-я стрелковая дивизия 44-й армии под командованием полковника Селивerстова, 20 января, в 23 часа 50 минут, ворвалась в город Ставрополь и к 8.00 21 января полностью очистила его от войск противника. В боях за город принимали активное участие партизаны. Население восторженно встретило части Красной Армии и партизан.

В городе восстанавливаются местные органы власти.

Член Военного Совета
Северной группы войск Закфронта
секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б)
— СУСЛОВ
Командующий 44-й армией
генерал-майор
— ХОМЕНКО
Член Военного Совета
44-й армии генерал-майор
— УРАНОВ

29 января 1943 года из края был изгнан последний гитлеровец.

Неимоверно тяжело было видеть развалины и пепелища на месте наших фабрик, заводов, колхозов, совхозов и МТС — страшную картину опустошений, учиненных дикими ордами современных бандитов. Требовались огромное мужество и сила духа для того, чтобы взяться за возрождение родного края.

Крайком партии, руководимый товарищем Сусловым М. А., поднял на созидательную работу все население. Особенно тяжело далась первая весна. Не было семян. Колхозники из своих личных запасов внесли 2,5 миллиона пудов различных семян, чтобы засеять общественные поля. Не хватало тягла, и на полевые работы — пахоту, боронование, перевозку зерна — колхозники впрягли десятки тысяч коров. Поднимая из пепла фабрики и заводы, рабочие сутками не уходили со строек, проводя свой короткий отдых здесь же, на объектах. Учителя руководили восстановлением школ, школьники сами делали парты.

Война еще продолжалась. Советская Армия, сокрушая сопротивление врага, шла победной дорогой к логову фашизма — Берлину. И в рядах наших героических воинов вместе со всем нашим народом сражались посланцы Ставрополья.

Почти двадцать лет спустя после Дня Победы, в конце зимы 1963 года, к секретарю ЦК КПСС товарищу Суслову М. А. приехал бывший старшина, командир автовзвода 4-й гвардейской кавалерийской дивизии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, ныне колхозник станицы Новотроицкой Н. А. Шелухин. Он и его товарищи были тепло приняты Михаилом Андреевичем. В непринужденной беседе ветераны рассказывали о героических подвигах ставропольцев.

— Начали мы бить фашистского гада еще в 1941 году в Подмосковье,— говорил Н. А. Шелухин,— а после освобождения от оккупации советской земли нам выпала честь участвовать в освобождении Варшавы, а затем дошли до самого Берлина и закончили полный разгром немецко-фашистских полчищ на реке Эльбе. И ее водой напоили своих боевых коней.

Великая Отечественная война советского народа против гитлеровской Германии закончилась так, как она должна была закончиться. Далеко от Москвы кавалеристы Кубани и Терека пели созданную в те дни новую казачью песню:

> Мы фашистскую армию в прах разнесли,
> Мы жестоко врагу отомстили.
> В самом сердце немецкой земли —
> Мы на Эльбе коней напоили.

Когда думаешь о годах Великой Отечественной войны, возникают в памяти ужасы фашистского нашествия. Вместе с тем память о тех годах воскрешает беспримерный героизм, проявленный советским народом в борьбе с фашистским зверем. Безграничная доблесть наших воинов и самоотверженный труд рабочих, крестьян и интеллигенции в тылу переплелись в то грозное время друг с другом и, составляя единое целое, образовали могущественную, несокрушимую силу, которая и обеспечила блистательную победу над ненавистным врагом, позволила полностью разгромить гитлеровские полчища и спасти человечество от нависшей над ним угрозы порабощения. Достойный вклад в эту историческую победу внесли ставропольцы. В годы тяжелых испытаний, выпавших на долю нашей Родины, ставропольцы показали, что они полностью сохранили свои революционные традиции и присущие им боевые качества — смелость, отвагу, героизм и мужество.

ЗАМОРОЖЕННОЕ СОЛНЦЕ?

— Превосходные изделия. Новы и нужны очень...

— Где купить?

— Погодите, погодите,— снисходительно улыбается представитель министерства,— почитайте инструкцию, познакомьтесь...

«Каскад» принесет в наши квартиры не только чистый, но и слегка ароматизированный, словно настоянный на лесном аромате воздух. Вторая новинка, «гелиос»,— небольшая кварцевая установка. Она возмещает недостаток в ультрафиолетовых лучах. Как кстати пришлось бы это «солнце» в районах, где мало солнечных дней!

...Вокруг бурлила Межреспубликанская оптовая ярмарка изделий культурно-бытового и хозяйственного назначения, а «каскад» и «гелиос» были гвоздем одного из ее разделов. Выждал я после ярмарки год и пошел по магазинам, поинтересовался, как раскупают ультрафиолетовые облучатели.

— Что-что? — недоуменно переспросили в отделе электротоваров одного из крупнейших универмагов Москвы.

Вопрос-ответ строка в строку повторился в Ленинграде. Значит, эти города их еще не получили? Бывает. Звоню в Вильнюс, в Куйбышев, но и в тамошних магазинах этих приборов нет. Написал на завод — ни ответа, ни привета.

А ярмарка? Знающие люди объяснили: там приборы показывали только для изучения спроса. Дело полезное, даже необходимое, но есть ли какие-либо сроки внедрения новинок? Судя по всему, четких сроков у промышленности нет. Торговля просит, настаивает, требует, но...

Десятки новых изделий видел я за последние четыре-пять лет на ярмарках и выставках, в конструкторских бюро, в ассортиментных кабинетах. Но не на прилавках! Тернист путь новинки. Пока она проходит все стадии согласований и утверждений, не только теряет новизну, но и успевает себе же навредить — вроде бы о ней знают, даже ищут и устают искать.

Промышленность подчас непоследовательна в разработке и серийном выпуске приборов для быта. Несколько лет назад Министерство электротехнической промышленности на оптовой ярмарке взяло в свои руки реализацию продукции, выпускаемой на подведомственных ему предприятиях. Реклама, информация, высокая заинтересованность в продаже помогали многим товарам скорее дойти до покупателя. Да и самих новинок стало больше. Но затем само же министерство отказалось от такой практики.

...Созданы принципиально новые квартирные плинтусные и настенные обогреватели, но торговлю о них почти не информировали, она не имеет права рекламировать изделия, о которых не знает. Вот и опять: недавно состоялась выставка новинок. Отличные электросамовары, новая стиральная машина и гладильный прибор — все самого современного вида. Но образцы, только образцы. На выставке побывали многие тысячи посетителей — потенциальных покупателей, спрашивали, как приобрести новые изделия, но ответа не получили.

Да, по-прежнему тернист путь новинки.

К. БАРЫКИН

КАКАЯ ОНА СЕГОДНЯ, СИБИРЬ?

ПОЛОТНО

Николай БЫКОВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

«Огонек» завершает путешествие по Сибири в самом начале грандиозной Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Главная примета последнего года пятилетки — ускоренное развитие производительных сил Сибири, намеченное XXIV съездом КПСС. Предстоит обжить необъятные просторы, освоить край уникальных природных богатств, создать новые города, мощные индустриальные районы. Но прежде всего — прорубить вековую тайгу, проложить через нее дорогу, равной которой не было в нашей стране. Речь идет о Байкало-Амурской магистрали, этом выдающемся сооружении века. Наши специальные корреспонденты ведут репортаж с Западного участка будущей магистрали.

ЮРКИНА ПЕСЕНКА

«Старость меня дома не застанет, я в дороге, я в пути...»

По-разному можно петь эту песенку. Ее и поют разные шоферы по-разному: кто беззаботно, во все горло, когда машина идет накатисто; кто едва слышно, думая о своем; а иные проникновенно, со значением, аж за душу берет... Любил эту песенку шофер-дальнорейс Юрка из Братска. Не так уж и давно это было. Возил Юра горючку за сотни километров, и вот однажды случилась беда: крутая наледь, машина сорвалась, пошла кувыркаться. Надеялся удержать, избежать взрыва. Она не взорвалась, но погиб молодой старожил сибирских трактов. И вдруг слышу его любимую песенку далеко за Братском, за Усть-Илимском, на 209-м километре будущей дороги на океан: «Старость меня дома не застанет...»

Снова молодое нетерпение в дороге, снова в пути. Только Братск теперь не предел мечтаний, не конечная цель, как было однажды для тех, кто устремился перегораживать Ангару. Теперь Братск — перевалка, «всего-навсего» прекрасный аэропорт, в котором с прекрасного лайнера ТУ-154 пассажиры, следующие до Усть-Кута, пересаживаются на старичков «Антонов». И летят, летят дальше. А то и поездом катят — да, поездом, поверьте, поездом! Мчат прямо по высоченной плотине той самой легендарной Братской ГЭС, мимо Братского моря и Братского ЛПК, мимо Братского алюминиевого и незабываемого «Ангарстроя» с его былым лесоповалом, через нестрашную в этих местах, исхоженную тайгу — до станции Лена, до Лены-реки, до Усть-Кутского тупика. До конца, который стал началом новой железной дороги. Началом или продолжением? Сегодня пока только начало. Но «сегодня» само по себе есть продолжение вчерашнего. Продолжение для тех, кто построил Братск, строит Усть-Илимск, кто проложил железную дорогу Тайшет — Хребтовая — Коршуниха — Лена. Для них, конечно, продолжение. А для тех, кто шумно, под гитарный перебор, с валенками за спиной и транзисторами на шее валом валит в древний сибирский городишко Усть-Кут, на берега Лены,— это, естественно, только начало. Начало всего — стройки, дороги, жизни. И так было всегда.

«Пусть каждый пройдет свой участок пути. В итоге откроем магистраль». Эти простые, мужественные слова я прочел в напутствии ветеранов первых пятилеток молодым строителям Транссибирской магистрали-два.

СЕВЕРНЫЙ ВАРИАНТ

Давно минули времена, когда монархи одним махом «проектировали» железную дорогу. С 1888 года инженерная Россия вынашивала мысль о рельсах до Великого океана. Именно от Тайшета в обход Байкала с севера. К северному варианту не раз возвращались изыскатели, например, Г. Андрианов и С. Чмутов, которые, «вели» свою магистраль от того же Тайшета через Ангару, Илим, через Лену в районе Усть-Кута и далее через Восточную Сибирь... Только полвека спустя прошел первый поезд до станции Лена. А дальше? Решение задачи с сотней неизвестных откладывалось. Отчертить прямехонькую прямую лишь на карте легко. Но проложить железный путь через Сибирь... Нет давно уже тех безграничных людских ресурсов, да и много ли перелопатишь вручную? Теперь иной научный и технический потенциал — стране по силам любое строительство. Но прежде годами длятся споры: идут изыскания в условиях непроходимой тайги. Варианты, варианты... Постепенно в спор включаются топография, геология, экономика. Многим ли известно, что электронная модель БАМа работает более семи лет — с 1967 года? Тогда-то и начался заключительный этап изысканий и проектирования Великой Дороги. В дело включились пять проектных институтов Минтрансстроя, а генеральным проектировщиком был назначен один из них, «Мосгипротранс». Куда тут самодержцу с его линейкой и карандашом...

Зачем БАМ? Зачем они, 3 542 новых стальных километра? Что повезут тяжеловесные составы от Тайшета до Советской Гавани и обратно?

Это подходы к новым запасам угля, газа, руд, никеля, асбеста, слюды... И к лесу: 40 миллионов гектаров леса в зоне действия Дороги, что означает запас в два миллиарда кубов древесины! Будет дорога — будут горно-обогатительные комбинаты, карьеры, лесопромышленные комплексы. Будут новые города там, где лишь змеятся тропы охотников да стоят сизые дымы над их зимовьями...

Лягут рельсы — и побегут по ним восьмиосные цистерны с тюменской нефтью.

Лягут рельсы — и сдвинут тепловозы ТЭ-116 составы с медной рудой Удокана, коксующимся углем Чульмана, богатейшей железной рудой Алдана... С лесом. С бумагой...

Великая Дорога... Работа надолго. Более половины участков еще не имеют рабочих проектов. Пока только изыскатели да местные жители, охотники-кержаки, знают, как сложна топография трассы, как чудовищно сложны инженерно-геологические условия стройки. Байкальский хребет... Скалистые берега Северного Байкала... Северо-Муйский хребет... Гольцы сменяются распадками, болота Предбайкалья — Чарскими песками... Наконец, крутой подъем на 1 300 метров—это Становой хребет. Выдержат ли дизели локомотивов нехватку кислорода? И вообще, как заставить железнодорожное полотно взобраться на Становой? Как одолеть другие бесчисленные крутые подъемы и кривые малых радиусов в тех таежных местах? Поперек пути легли мощные сибирские реки: Лена, Киренга, Витим, Олекма, Зея, Селемджа, Амур, Бурея, Амгунь... А ведь в уме надо держать еще стоимость Дороги. Обходить препятствия — значит делать лишние петли, значит удлинять путь и не уложиться в смету. Что же такое БАМ?

Объем работы:

переместить 222 миллиона кубометров грунта,
построить 3 200 сооружений, 200 станций в том числе;
возвести 142 моста,

■

Коммунист Алезий Стриганов: «Вообще-то я на тепловозе работал, а здесь пока плотником».

Мы крымчане!

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Принимай, БАМ, еще один отряд с Украины.

Наступление.

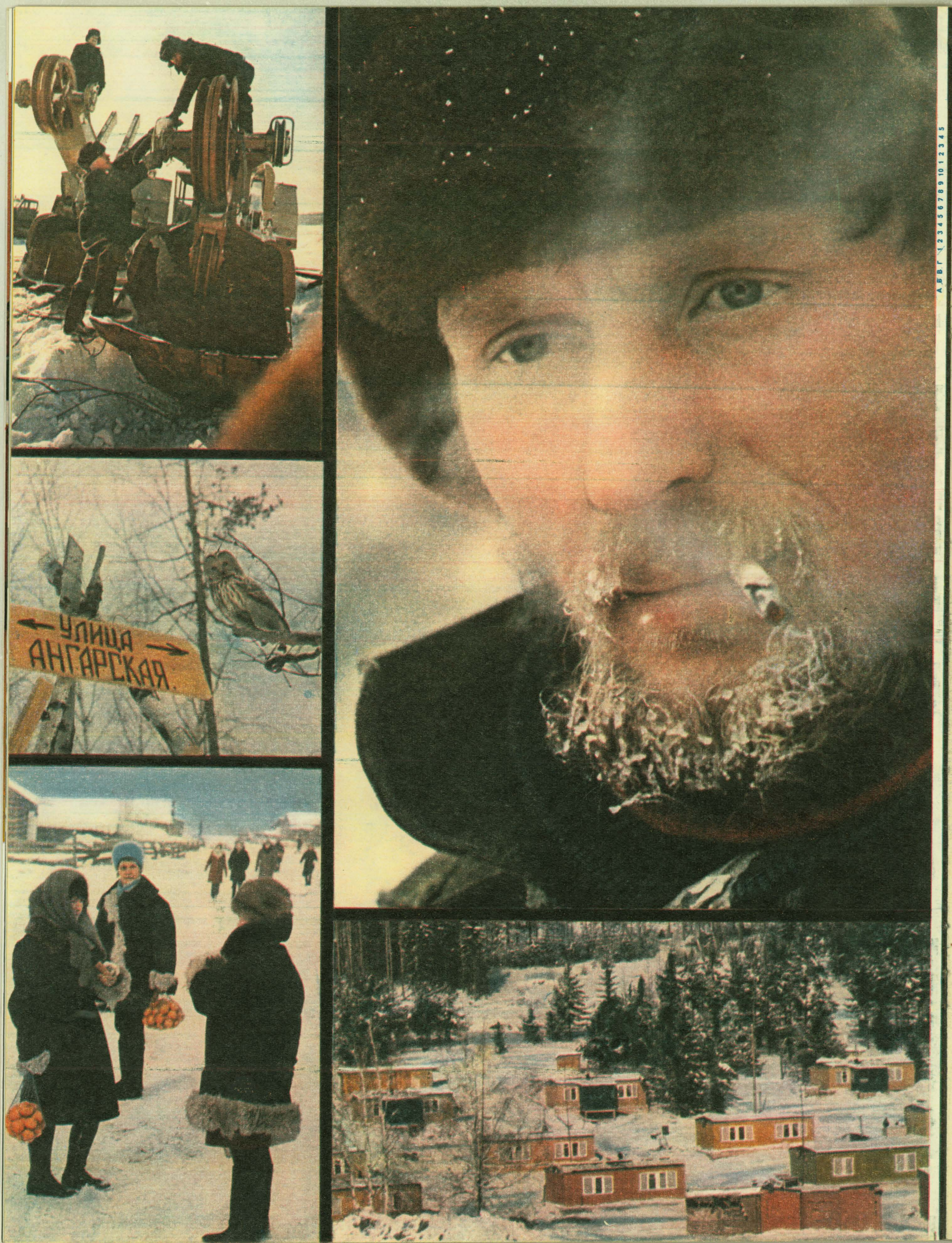
И полетел дом в Улькан...

СТРОИТСЯ НЕ ЗАВОД, НЕ ГОРОД:
ДАЖЕ НЕ ДОРОГА-ПРЕОБРАЖАЕТСЯ КРАЙ
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ
Б КРЫМ
А
М УЛЬКАН

БАМ — УДАРНАЯ СТРОЙКА КОММУНИЗМА

УЛИЦА
АНГАРСКАЯ.

пробить 5 тоннелей (более 25 километров скальных пород);

положить 3 542 километра рельсовых путей от Лены до Комсомольска-на-Амуре, включая стальной путь Бам — Тында, по которому пройдет поезд уже 9 мая, в День Победы;

положить 680 километров вторых путей Тайшет — Лена.

Вооружение:

1 120 экскаваторов,
400 бульдозеров,
320 автогрейдеров,
840 кранов различных типов,
7 600 грузовых и легковых автомобилей.

Ежегодно:

70 тысяч тонн проката из низколегированных сталей, улучшенного листового проката для условий Крайнего Севера,
80 миллионов штук кирпича,
700 тысяч кубометров камня, щебня, гравия.

Ежегодно здесь будут заняты не менее 20 тысяч рабочих.

Таковы масштабы стройки века. Воистину полотно.

ПЕРЕГОН УЛЬКАН — КУНЕРМА

Байкало-Амурская... Так ее называют. Но до Байкала еще надо дойти. До Байкала еще топать и топать. И сам сто потов прольешь, и немало леса пожжешь в кострах да печурках, и мошку успеешь откормить до вышесредней упитанности. До Байкала 284 километра, это и есть Западный участок. Наш участок, огоньковский, вроде как подшефный. Вот что рассказал о нем Василий Степанович Бондарев, начальник «Ангарстроя»:

— Мы идем от Лены до Западного портала Байкальского тоннеля. Ну, что у нас есть? Есть пока три поселка: Звездный — шестьдесят пятый километр, Магистральный и Улькан... Есть зимник, можно сказать, до станции Кунерма. Конечно, пока так только говорится, никакой станции нет, а есть озеро и глухое безлюдье. Да вот зимник через тайгу. Первые люди перешли Лену в январе прошлого года. Через месяц они прорубились к слиянию Таюры и Нии. Там и заложили Звездный. Сейчас мы получили объем работ раз в десять больший, чем год назад! В десять раз... В этом году должны достроить поселок Улькан, заложить поселки Ния и Кунерма. Дорубить просеку под железнодорожное полотно. А это еще сто километров. Сделать автомобильную дорогу. Сдать мост через Лену. А главное, открыть рабочее движение через станцию Лена до станции Таюра!

Василий Степанович устало улыбнулся. Не думаю, чтобы он мысленно, как пишут в романах, провожал первый поезд; скорее всего прикидывает, сколько еще надо отсыпать полотна до Лены... Помолчав, он добавил:

— В семьдесят восьмом поезда должны пройти до Байкальского тоннеля. Наше Западное плечо послужит плацдармом для штурма всей магистрали. Вот какое дело. Без нас Байкальского хребта не одолеть, тоннелей не пробить. Кстати, есть мысль пока обойти хребет, очень уж много проблем с этими тоннелями... А времени осталось не так много. Мы ведем однопутку, но запишите: со всем прикладом для двух путей. Что еще? Мост на Лене... Сейчас уже вылезли из воды. Оживление на всех пяти опорах. Спешим подойти к мосту с полотном до паводка...

Дел у Бондарева столько, что грех было задерживать его с разговорами дольше. К тому же лучше один раз увидеть...

— Советую сначала побывать в поезде Фролова. Он стоит в Улькане.

Я вздрогнул: поезд! На станции Улькан не оказалось никакого поезда, речь шла о СМП-571 (строительно-монтажном поезде) — одном из подразделений треста «Ангарстрой». Там начальником Анатолий Николаевич Фролов.

На Улькан со мной послали довольно загадочного гида Володю, он инженер и почему-то шеф местного спортивного общества.

— Вам, конечно, нужны те, кто «а я еду, а я еду за туманом»? А еще за запахом тайги?.. Значит, правильно — к Фролову. Он комсомольской закваски. Он и на лыжах, и в хоккей, и так неплох на вид.

Иронический человек, этот молчун Володя. А на самом деле отлично знает, кто на трассе интересен. И что интересно.

На Улькан вертолеты ходят каждый день. Часть материалов перевозят по зимнику дальнорейсы, а часть перебрасывают по воздуху, даже вагончики для комсомольского пополнения. Берут вертолетчики и людей. Вагончик диспетчера «Ангарстроя» Любы Рощиной окружен оледеневшими сугробами. В нем всегда битком набито парней и девушек в полушубках. Рано утром оживает динамик:

— Любаша, здравствуй! У тебя там много?

— Здравствуй... Возьми на Магистральный троих и на Улькан семь человек.

...Мороз и солнце! И черные полушубки бегут к вертолету, поднявшему серебристое облако. Молоденькие бороды, валенки приторочены к рюкзакам. Бегут вперегонки — белый ветер рвет заявки из рук. Без них, подписанных малообщительным Блохиным из Усть-Кута, вертолетчики не посадят. Парни с хохотом тянут брезентовые мешки. Тащат авоськи, набитые лимонами, печеньем...

Вертолет подхватился, устремился через Лену. Молчание. Начали замерзать ноги. Кто спит, кто читает, прислонившись к иллюминаторам. В руках книги: «Вирусы спасают человека», «Глоток свободы», «Воспоминания о Маяковском»... А я думаю о вертолетчиках. Вот мотаются — ну, как без них? Наш борт ведет веселый человек с зоркими глазами, со значком депутата Верховного Совета СССР на лацкане форменного пиджака. Это якут Семен Семенович Иванов, старожил сибирских воздушных маршрутов, командир славного экипажа.

— Улькан подо мною! — проснулся некий бородач. Летели чуть больше часа. Долго ли, интересно, будет сюда идти поезд?

Неужели поезд — сюда? Не верится...

ДЕСАНТ ФРОЛОВА

Говорят, когда десант Фролова высадился полгода назад на околице древней деревушки Юхта, ни один житель не вышел на шум винтов. Юхта и юхтинцы не подавали признаков жизни. Века патриархального уклада, века первозданной тишины и немятого снега отодвинулись в ноябре семьдесят четвертого в глубь истории. Первыми пришли в себя лайки. Как и повсюду на Севере, добрые, гостеприимные, красивейшие существа ринулись встречь десанту. Над людьми с незнакомыми запахами и голосами уже разворачивался флаг.

Входили в деревню под флагом.

— Кое-кто говорит: вам, мол, повезло, в деревне высадились,— рассказывал Анатолий Николаевич Фролов.— Это, конечно, плюс. Но мы высадились зимой! В снег. Как и где жить? Про палатку хорошо песни петь... Вертолеты улетели. Деревня молчит. Только через час закряхтела Юхта. Заскрипела ржавыми петлями ворот, калиток.

Штаб Фролова — бывший амбар. Амбар сибирский, высоченный, крепкий. Но ветер в нем ходил ходуном. Пришлось закрыть вентиляционные окошки, перестелить полы, сделать перекрытие — получился второй этаж. Приделали тамбур и галерею, приставили лестницу наверх, прорубили двери, поставили перегородки... И поезд-571 двинулся к Байкалу — отряд молодых, хватких, стойких,— начал строить свой участок полотна.

— Мы идем от станции Конец Луг, это сто девяносто второй километр, до разъезда Суронь на двести шестьдесят четвертом километре. Есть переправа через Киренгу, пробили зимник до Кунермы. Скоро там будут люди!

Кто-то назвал поселок Фролова «Комсомольском-на-Улькане». Так оно и есть. Здесь работают комсомольцы из Крыма, из Киева. Но костяк поезда составляют коммунисты Иркутска. Они переоборудовали старые амбары, скотные дворы Юхты и соседнего села Тарасова под общежития. Строят сейчас столовую, склады, оборудуют вагончики под жилье. Им труднее всего пришлось. Первой была бригада Сухих. Вся нулевка ее!

Серьезный разговор. Анатолий Фролов и Юрий Вербицкий.

Юхту и Тарасово поезд взял «на себя» в смысле культурного обслуживания. Когда комсомольцы давали концерт, я слышал, как древняя старуха, мостясь на собственном табурете, принесенном ею в клуб, сказала: «Надоело по проволоке, хоть на живых погляжу». Радио надоело!..

Улькан — есть такая река — значит «чистая». Станцию хотели на реке ставить, да проект еще и еще раз пересмотрели. Станцию перенесли, а название осталось. Река, рассказывают изыскатели и охотники, беспокойная. Страшная здесь весна. Ледоход и паводок страшны. Вода вот-вот отрежет Фролова и основной поселок от Тарасова, что стоит на Киренге, где живет часть людей. Что-то надо предпринять...

— Вот письмо отец прислал,— говорит Фролов,—никак не прочту... Родители мои остались в Усть-Илимске. Ну, и мать у меня смешная. Анастасия Андреевна! Она как-то спросила: сынок, ты что это меня, как молоденькую,

Экскаваторы собирают прямо на льду Лены.

Была бы улица, а город будет!

Новоселы двухсотлетней Юхты.

Виктор Печеницын, столяр из Ангарска.

Здесь живут мостостроители.

агитируешь, очень уж политические письма пишешь?.. Ма, отвечаю, ну, какие же еще писать? Тут сильно политическая жизнь! Мы, как говорится, не дорогу — людей строить будем. Да... Людей... Обкатка поколения...

Фролов то и дело накручивает ручку телефонного аппарата, кричит в трубку:

— Алло! Нужны сто пятьдесят мотопил... Слышите? Да, сто семьдесят мотопил «Дружба»... Алло! Запишите — две сотни мотопил! Две...

Аппетит приходит во время еды. Да и то — без пил, топоров, бульдозеров здесь делать нечего.

В лесу за Юхтой будет новый поселок. Пока же там лесоповал. Прорублены улицы: Ангарская, Крымская, Виктория. Виктория — говорят, в честь Виктора Кравченко, общего любимца ударного отряда. Еще его зовут «Дед», поскольку ему недавно стукнуло сорок!

Общежитие строят крымчане Краснобаева. Плотники Гримова из Ангарска заканчивают столовую. Пятерка Касымова за два месяца построила дизельную — а это свет, энергия! Лесорубы Тюменцева валят и валят лес под новые строительные площадки.

В памятке, которую вручают каждому молодому новобранцу, сказано: «Первым быть тяжело! Входя в комсомольскую семью СМП-571, запомни: ударная — не тихая гавань! Не уставай быть впереди! Становись на вахту трудовой доблести комсомолии. В добрый путь!»

В глубоком снегу по пояс от дерева к дереву идут Саша Голуб и его товарищи. Их шесть — они валят деревья, сжигают хлысты и сучья, готовят площадку для мехколонны. Шесть в штормовках, с пилами наперевес, в красных шлемах, поросшие бородами.

— А где же ваша Белоснежка?

— Есть и Белоснежка. На котлопункте работает. Да вот Саша другой конец сказке придумал — женился! И зовут ее теперь просто Лида Голуб.

— Хватит зубоскалить...

Да на морозе и не позубоскалишь особенно — спасает работа! Бывало, вшестером на медведя ходили, а теперь шесть парней на тайгу вышли. И валят. Голуб из Львова. Саша работал на вагоноремонтном заводе («Когда-нибудь вернусь к своей специальности»). Николай Дубровин — шофер из Симферополя («Ух, и снегу, не думал, что в снегу утонуть можно!..»). Толя Пристанюк — бывший электромонтер («Деревья жалко...»). Олег Третьяк из Казахстана («Когда ее ошкуришь, сосну, она аж розовая, как теплая»). С ним приехали — отнюдь не «за туманом» — неразлучные друзья его Сергей Шепета, мастер на все руки, и дизелист Витя Багуров.

...Фролов кричал в трубку:

— Дружище! Пришли, пожалуйста, тормозной жидкости! Ну, хоть бы бутылочку... Две бутылки тормозной жидкости за всю рыбу Киренги! Нет, кроме шуток, друг, а то стоит новенькая автобурилка!

Первыми до Кунермы добрались изыскатель Владимир Путриков — мечтатель и истинный сын тайги, любитель одиночных походов, а с ним мастер Виктор Высоцкий. За ними прорвались, проломились три бульдозера. Последние километры особенно достались. Если вначале проходили за сутки пять километров, то последнюю неделю и двух не делали. Да еще, кажется, петляли. Кляли Путрикова, называли его Сусаниным, кляли его карту, кляли визировку тридцатилетней давности. То слева гольцы, то они же — справа. Реки и речки под снегом, не сориентируешься. А снега этого — лоси с рогами тонут. И еще охотники предупредили Володю: «При входе в ущелье лавина может накрыть, а с ней камни, деревья». В начале марта так и случилось, но проскочили! Что-то будет весной — снега, снега навалом...

А кормила тех, что были на самом острие фроловского штыка, смешливая девушка Надя Демидова. Вот она-то как раз приехала и за туманом, и за лисьими следами, и за запахом тайги. Романтик!

...Фролов — в телефонную трубку:

— Парни! Шлите срочно станок для заточки цепей мотопил. Слышь, дружище! Алло! Еще электроточило для топоров — у нас до сих пор ни одного, а на обух тайгу не возьмешь... И еще цепи для пил. Прошу! Топоры летят на морозе, дайте сотни четыре, потом сочтемся! Пятьсот, парни! И хотя бы бутылочку тормозной жидкости.

Письмо отца прочел только поздно вечером, когда вернулся из общежития. Общежитие — это узел проблем. Чем заняться после работы в лесу? Где и как сушить одежду — полушубки еще ладно, а ватники, штаны, валенки, пимы, свитеры? Испарения... А спят как — загляденье! Богатыри. Вот помощник машиниста; рядом — водитель автобуса, а этот историк — занятный человек; а там, у окошечка, преподаватель ПТУ из Коми... И все в дороге, все в пути. Теперь они строители. Что такое строитель? Сегодня щепки собираешь, завтра с топором на просеке тюкаешь, послезавтра каменную кладку выводишь, а там скоро и рельсы класть. Но главное после того, как положат рельсы. И тогда снова помощник машиниста Алезий Стриганов поднимется в кабину тепловоза, иркутский шофер Александр Хомич снова сядет за широченный руль «Икаруса», учитель Александр Попов возьмет указку: «Итак, на чем мы остановились в прошлый раз?..»

А за окном будут стучать тяжелые составы...

Но сначала без рельсов, не зная шпал, еще до отсыпки полотна по этим местам пройдет поезд Фролова, их СМП-571.

«Оставить после себя 72 километра отличного железнодорожного пути со всем комплексом сооружений — разве это не прекрасно!» Так сказано в памятке строителя.

...Фролов снова по телефону — на этот раз Бондареву:

— Вышли на Кунерму!.. Сколько вагончиков? Двести в наличии, восемьдесят на подходе!.. Новый киевский отряд можем экипировать у себя — валенок и полушубков навалом... Василий Степанович, мне бы пару бутылок тормозной жидкости!..

Человек без техники — это плохо, точно. В Улькане будут две мехколонны. Уже идут сюда экскаваторы, вчера пришли трелевочники. Когда на Тынде не было два дня бензина, полетел двухнедельный план. Не будь два-три дня дизельного топлива, солярки,— полетит план полугодовой! Вот что такое техника на дороге, которая будет.

Мы улетели, не попрощавшись с Фроловым. Но я слышу и сейчас голос Анатолия Николаевича: «Парни, вы уж того, сами видите... Приезжайте, парни! Тут такие места, тут курорт! Ей-богу, и радон и прочее. Курорт, дружище!..»

ЛОГИКА — РЕЛЬСЫ

— Мне так хочется называть тебя **рыжиком**! Ты не обидишься?

— Называй, называй, только в печку не сажай...

— Рыжик... Ой, не могу, до чего же ты весь какой-то... Рыжик!

— Я, между прочим, в лоб давал за подобное... Чудно, сейчас никакой обиды.

Они говорили и говорили, не обращая на меня внимания, и хохотали, и вдруг замолкали. А вокруг сосны мачтовые, синий пихтач, и сова. Или филин? Бульдозер разбудил. Голова и глаза. Он сказал: «Как фары». Она: «Ой... живая». Сова и вправду была такой неожиданно живой, такой естественной, правдоподобной в этой глухой таежине. Она своим молчанием и остановившимся, невидящим взглядом заполнила все пространство. Как заполняли его стволы, сучья, корневища поверженных деревьев. Тут только что прошли бульдозеры Николая Кабанца и Рудольфа Рейхмана. Бульдозер с узким ножом идет впереди, с широким — сзади. Снег двухметровой глубины — в сторону; валежник — в сторону; подлесок — под нож и в сторону; дерево любой высоты и толщины сначала опрокидывается, потом и его — в сторону! Просека ползет и ползет. Когда-нибудь здесь поднимут полотно.

— Рыжик... Ой, не могу, до чего ты какой-то...

— Какой? Ну, какой... смешная...

Дело молодое. Линия жизни, о которой меньше всего думают сейчас смешливая Надя и Сергей. Вот свел случай на просеке. На Улькане. На Западном участке Великой Дороги. Случай... Посмеялись, разошлись — ей дальше с мехколонной на Кунерму, ему, шоферу, обратно в Юхту — там его отряд, его поезд. Логика? Но кто знает, что сильнее — случай или логика?

Есть железная логика — рельсы,
Есть надежная истина — шпалы...

Юрий Вербицкий, заместитель начальника штаба ЦК ВЛКСМ на Западном участке, говорил о своем поколении:

— Мы на этой стройке должны многое доказать. Это не красивая фраза, здесь и вправду строятся не только дорога, город, завод... Каждое поколение с первых же самостоятельных шагов хочет самоутвердиться. Наше не исключение. Сейчас все легко и все трудно! Казалось бы, такая масса молодежи, парней со всего света — нечто неуправляемое? Но это не так!

Юрий расстелил на коленях, смешно сказать, туристическую карту Прибайкалья. Но карта оказалась, ну, весьма и весьма насыщенной, что ли. Во всяком случае, Западный участок на карте был нанесен Юрием со всеми подробностями. Да, ребятам многое придется одолеть. И наверняка пережить. Но... И замначштаба снова напомнил строки Новеллы Матвеевой: «Есть железная логика — рельсы...»

— Будьте уверены, ленточку разрежем в назначенный день! И оркестр будет... А пока на повестке дня мост, и полотно до Магистрального, а рельсы до Звездного. Без нас тысяча километров Бурятского участка рухнет, останется на бумаге...

Юрий повез на мост. Все пять опор в солнечной опалубке. Лена — с полкилометра, неширокая, пока подо льдом. Пока... На лед выгружается техника: разобранные экскаваторы, мощные краны, бульдозеры, трелевочные тракторы... Люди спешат, спешат: взломает река весенний лед, и тогда конец этому стальному табору. Надо успеть...

Юрий Вербицкий „оккупировал" один из вагончиков на самом берегу Лены, ему здесь дневать и ночевать. А пока он рассказывал о предстоящей многолетней осаде Восточно-Сибирской тайги.

— Возьмите этот мост. Он не так прост, как может показаться. Во-первых, он **первый** на Лене. Во-вторых, он принципиально новый по конструкции, он первый в новой серии мостов для сибирских условий.

Металлоконструкции — вообще металл как таковой — здесь обречены на жесткие континентальные перепады температур. Летом — до сорока жары, зимой — до пятидесяти и ниже мороза. Значит, для конструкций ленского моста потребовалась сталь специальной марки. А варит такую сталь не любой комбинат. Значит, ждали. Теперь бегом, бегом... Плановый срок для такого моста, кажется, тридцать пять месяцев, а мостотрест № 9, и в частности мостоотряд № 5, взялись навести его за двадцать один месяц!

— В августе сдадут,— уверен Юрий.— Но у мостоотряда еще семь мостов на этот год.

И так на каждом объекте — проблемы, проблемы. Их решают, и не только на месте — в «Ангарстрое», или в Улькане, или в комсомольском штабе. Двадцать шесть академических институтов Сибирского отделения Академии наук СССР работают над заданиями БАМа. И есть не менее полутора десятков неотложных проблем, решения которых строители ждут уже сегодня. Зона стройки на огромном участке — зона вечной мерзлоты. Гольцы, скалы, хребты, которые надо пройти или обойти,— все они в царстве вечной мерзлоты. Страшны и непонятны, алогичны в своем поведении **осыпи**. А как быть в этих условиях с взрывными работами? Или взять сваи — как их, эти наипервейшей необходимости железобетонные занозы, загонять в грунт, насыщенный плывунами, кристалликами льда или крупнозернистой структурой? Но есть еще и проблемы промышленного освоения, проблемы **управления** гигантской стройкой — и все это надо решать на уровне века. Даже и не нашего — следующего века! А тоннели, а их вентиляция, а какая тяга лучше — электровозы или тепловозы? А где взять энергию, если энергии пусковой Зейской ГЭС окажется в обрез?..

Одно утешает: прав Юрий Вербицкий! Ленточку будут разрежут в срок. И ножницы будут покоиться на бархатной подушечке. Ибо есть железная логика — рельсы. Есть

Петря ДАРИЕНКО

СТОЯТЬ ВОВЕКИ НА СВОЕМ

Я ТВОЙ СЫН

Годы мои, годы, вы — как горы:
За крутым подъемом — вновь подъем.
С временем самим вступаю в споры,
Отдыха не жду в пути своем.

Сто забот — одно предназначенье,
Сто ночей бессонных — цель одна:
Снять бы все печали, огорченья
С сердца твоего, моя страна!

Ты давно людской надеждой стала.
Пусть твой добрый свет горит и впредь —
Он, взошедший солнечно и ало,
Всю планету в силах отогреть.

Будь, как и была, войне преградой,
Мир и справедливость защити,
Новыми свершеньями обрадуй
Всех, кому с тобою по пути.

Ты не зря примером вдохновляла
Нас, солдат, строителей твоих.
Вот иду — и не хотят привала
Ни душа, ни мысль моя, ни стих...

Родина! Пусть ветер встречный труден,—
Плыть тебе в весну, как кораблю!
Я твой сын. Как ты, служу я людям.
Я твой сын. Как ты, людей люблю.

СОН О ПТИЦЕ

А знаете ли вы, как плачет птица? —
И я не знаю...
Но вчера как раз,
Когда мне удалось в ночи забыться,
Такой вот странный сон меня потряс:
Средь ночи птаха села на ворота —
И там, с проржавленного козырька,
Почти рыдая, все звала кого-то,
И боль ее казалась так горька,
Что в крике птичьем
Крик людской был слышен,
Хотя о чем он — я понять не мог...
И горбились, белея, ветки вишен
От жалости,
И, выйдя на порог,
Стоял я, пораженный плачем птахи,
Но не спросил: мол, в чем твоя беда?..
И смолкла птица.
И порхнула в страхе.
И канула неведомо куда.
...А пробуждался я с таким отчаяньем,
Как будто сон о птице явью был:
Мне все казалось,
Что своим молчаньем
Я веру в человека в ней убил.

ОДУВАНЧИК

Утреннее солнце шаром раскаленным
Выкатилось в небо — и согрелся луг.
Вспыхнул одуванчик на лугу зеленом,
И второй, и третий — все горит вокруг.

Серебрятся росы... Блещут паутинки...
Каждый одуванчик свету солнца рад:
Поутру зажгутся огоньки-желтинки
И в траве высокой целый день горят.

А когда померкнет красота дневная,
А когда остынет тусклый небосвод,
То и одуванчик, голову склоняя,
Свой огонь погасит, сам в себя уйдет.

Ни прожекторами, ни костром горящим
Ты его раскрыться не заставишь, нет!..
Он такой. Он в дружбе с солнцем
настоящим.
Он откроет душу лишь ему в ответ.

ЛИСТ БУМАГИ

Бумаги чистый лист похож на поле боя —
Зовет в атаку он, почти как на войне...
А может, он похож на небо голубое,
Где множество миров трепещет в глубине?

Еще невидимы, туманны, словно вечность,
Миры безмолвием окутаны пока.
Как мне расслышать их сквозь эту
бесконечность?
Как мне их разглядеть сквозь белизну
листка?

За этой млечностью — великих тайн
мерцанье.
В груди — исканий жар. Он есть, он не
погас!
И так волнуюсь я, как будто на свиданье
К своей возлюбленной идти мне в первый
раз.

А мысль упрямая штурмует свод небесный,
И раздвигается земная синева...
И все лишь для того, чтоб раздобыть для
песни
Ее начальные, запевные слова.

Строка заглавная трудней других, пожалуй...
А вдалеке — финал... Как неприступен он!
Но посягнул ты сам на этот труд немалый —
Любой ценой теперь он будет завершен.

Бумаги чистый лист — загадочное поле.
Его молчание разгадывать тебе.
И ты терзаешься над ним до слез, до боли:
Сама судьба твоя сейчас в его судьбе.
Твой долг — соединять строкой
стихотворенья,
С былым и с будущим величье наших дней,
Годами добывать в себе огонь прозренья,
Чтоб посветлел хоть миг над всей землей
твоей.

Восторгом, скорбью ли окрасится страница?
Что скроет белизну? Огонь?.. Зола?..
Листва?..
В ответе ты один за все, что здесь случится!
Тут сердце надобно. Тут мало мастерства.

Перевел с молдавского
В. КОРЧАГИН

ТЫ И ТВОИ ГОДЫ

Небо сникло, словно парашют,
Пало в кроны, потеряв дыханье...
Годы, годы...
Вот они идут
По одной из тропок мирозданья.

Год страданья,
Светлый год любви,
Год борьбы и тихий год печали...
Это сыновья идут твои,
Из тебя ведь годы вырастали.

Только пуще радостей и бед
Лет давно минувших и ушедших —
Нет острее ожиданья лет,
Дней и дел,
С тобой не происшедших.

Ты от прежней горечи пути
Сохрани живущее в грядущем,
От злословья молча огради
Будущие пагоды и кущи.

Ну, а коль восславить твои дни
Кто-то с лестью постучится в стену —
Прогони Орфея, прогони,
Сам себе прекрасно зная цену.

Жизнь — борьба,
А мы с тобой живем.
И пока сердца открыты бою,
Будем жить, и побеждать с тобою,
И стоять вовеки на своем.

Перевел Е. ЛУЧКОВСКИЙ.

БЕРЕГ

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Входите, Ушатиков! Что, скоро завтрак?

— Поздравляю, товарищ лейтенант!

— Это вы, Меженин? С чем? Война кончилась?

— А вот какое утро, товарищ лейтенант. Солнышко светит, как в сказке, птицы поют, тишина — рай земной, а насчет конца войны сообщений не поступило. Хорошо спали?

— Прекрасно спал, несмотря на то, что проиграл вам вчера в карты. Где Княжко?

— На дворе. Рано пришел. Самолично готовится физзарядку с батареей проводить. Вроде занятий по строевой. Вот принес вам горячей воды — бриться.

— Спасибо за воду. Немного не ясно: почему вы Ушатикова заменили? Он что?

Сержант Меженин, умытый, выбритый до отшлифованной чистоты щек, подчеркнуто услужливо поставил котелок на подоконник, его светлые глаза невинно посмотрели на Никитина, точно между ними этой ночью ничего не произошло, глянули на смятую постель и притушенно помертвели. Никитин спросил официально:

— Вы хотели что-то доложить?

— Разговор личный есть, товарищ лейтенант,— лениво, без особой охоты проговорил Меженин.— Насчет вчерашнего. Объяснить надо. Дрозда вы вчера дали крепко. Бросились на меня чертом, еще чуток — и пистолет бы обнажили, а это дело не так было, как вам померещилось.

Никитин натянул хромовые сапоги, пристукнул каблуками об пол, не выявляя нужного интереса к объяснению Меженина.

— То есть? Что мне померещилось?

— Когда я на шумок пошел и ее застукал у гардероба, немочку, финтифлюшку эту рыженькую,— продолжал скучно Меженин, из-под заграды ресниц поглядывая на постель,— она в слезы от страху, видать, схватила меня за руку и к кровати потащила сразу, мокрохвостка фрицевская. Завалила на себя, ну, а тут вы... И привиделись вам сказки, страсти-мордасти. Вот так было...

Меженин невозмутимо лгал, но в этой лжи не было и намека на оправдание или вину его.

— Хотите рассказать мне сказки? — проговорил Никитин и переменил направление разговора.— Что во взводе — в порядке?

— Как в аптеке,— ответил Меженин будничным голосом человека, не омраченного угрызением совести.— А немочка-то, а? Бодливая козочка с копытцами. Сама орет «найн», а сама на себя валит. Видать, немецкие бабы за все хотят одним расплатиться. А вы не разобрались. Насчет этого щекотливого дела вы, откровенно скажу, человек малоопытный.

Еще вчера почти ненавидевший Меженина, почти решивший ничего не прощать ему после отвратительной сцены здесь, в своей комнате, Никитин, краснея, отвернулся, его ожег внутренний жар стыда, он не хотел возвращаться к тому неприятному, что было между ними, к той неприятной границе неполной справедливости, которая, мнилось, разделила и в чем-то порочно и тайно сблизила его с Менениным, и, превозмогая эту угнетающую непоследовательность, он ответил насколько возможно спокойней:

— Все, Меженин, это в последний раз. Я не хочу помнить. На этом закончим. Можете идти. Я спущусь через пять минут.

Однако Меженин не уходил; тогда Никитин подошел к зеркалу над комодом и, принимая занятый вид, пощупал щеки, как это делают перед бритьем, но тотчас краем зрения заметил в зеркале нагловато-дерзкую полуухмылку Меженина, показавшуюся из-за двух передних попорченных зубов лишней, чужой на его полноватом красивом лице. И Никитин словно ощутил тупой толчок в затылок, спросил:

— Что еще, Меженин?

— Да так, товарищ лейтенант...

— Что именно?

— Да с виду вы плохо ночь спали,— сказал Меженин и движением ресниц будто завесу сдернул с жестковато сверлящих глаз, достигших зрачков Никитина в зеркале.— Синячки у вас под веками, вид усталый, никак бессонница, а?.. Вы посты у орудий не проверяли утром, товарищ лейтенант? Из комнаты не выходили?

— Утром? Нет. А что такое?

— Сказки получаются. Чудеса-а!

— Какие сказки еще? Какие чудеса?

Лицо Меженина, уверенное, проясненное, перестало ухмыляться, голос его зазвучал позади тоном обыденного доклада, и в нем слабеньким оттенком сквозила мягкая издевка:

— Вместе с солнышком я сегодня встал, товарищ лейтенант, чтобы часовых проверить и заодно немчишек — на всякий случай. Подымаюсь по лестнице вот сюда, к их комнате, рядом с вашей, слушаю — никакого шебуршения. Глянул в дверь, не заперта, а в комнате — никого. И слышу, товарищ лейтенант, из вашей комнаты,— голос Меженина набрал полную меру вкрадчивого удивления,— из вашей комнаты, похоже, шепот какой-то, смех и разговор по-немецки... Думаю себе: что такое?..

Никитин, вспыхнув, обернулся, кинул пушистый от мыла помазок в кружку и, этой неудержанной вдруг вспышкой стряхивая темную тяжесть с затылка, что не проходила, когда говорил за спиной Меженин, спросил возмущенно:

— И что? Что вы подслушали?.. Стояли за дверью и подслушивали, как я вслух заучивал немецкие слова? «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten?»[1]. Так? («Что я — оправдываюсь перед ним? Я лгу — и оправдываюсь?») И что еще вы подслушали?

Меженин сонно сощурился в переносицу Никитину, разом заскучав замутненным взглядом, не возразил ни единым словом, и тот мгновенно подумал, что за этой внешней непробиваемостью стоит непрощающая память сержанта, подготовленно и рассчитанно взвесившая все, что произошло вчера между ними.

— Ну и что вы хотите сказать, Меженин?

— Выходит так, товарищ лейтенант, немочку вы у меня отбили,— проговорил Меженин, не придав никакого значения вспышке Никитина.— Квиты мы вроде с вами. Квиты, да не совсем.

— А если яснее! В чем мы с вами квиты?

Меженин, вприщур изучая переносицу и лоб Никитина, заговорил после недолгого раздумья:

— Да вот мысль пришла, товарищ лейтенант, как бы это сказать? За связь с немочкой офицера по шерстке не погладят. Разложение приклепают. В штрафной загреметь можно. Но я мужское дело понимаю. Шито-крыто, завязано. Только, за ради господа бога, предупреждаю: не давите вы меня. Не терплю, не люблю я узду, сами знаете. Характер такой. Это я тоже по-мужски говорю. Война вон большой шапкой накрывается. Конец скоро! Тихо, мирно доживем, довоюем как-нибудь.

Он говорил однотонно, неоспоримо, как говорят независимые люди, убежденные в своей силе, не сомневаясь, что их правильно поймут, и в самоуверенности его был опыт потертого обо все острые жизненные углы человека, готового не осложнять положение при взаимных условиях. И Никитин, уже теряя выдержку, все-таки спросил со злым любопытством:

— Значит, я во всем мешаю вам, сержант?

— По-мужски говорю,— скучно повторил Меженин.— Так лучше будет жить, товарищ лейтенант. Обещаю законно, один на один — спокойненько буду вам подчиняться, а уж вы в дела некоторые мои не суйтесь.

— Какие дела?

— Да мало ли какие,— ответил Меженин неожиданно закаменелым голосом.— Речка между нами протекает, товарищ лейтенант. Вы на этом берегу, а я — на том. Давно переплыл я ее. И, будь здоров, по ноздри нахлебался. А вы еще не поплавали. Не хлебнули сполна. По травке, как в детстве, бегаете, хоть и воюете, как штык. А разного-всякого ни хрена не чуяли. Вот об этом дела. Малец вы против моей жизни. Откровенно говорю. Так что — не мешайте!

— Слушайте, сержант! — не сдержавшись, выговорил Никитин.— Мало того, что вы под дверью шпионили, подслушивали, как старая баба, вы еще угрожаете мне! Так вот знайте: никаких ваших «спокойненьких» дел, вроде житомирских, не будет! Идите во взвод! Вам ясно? Идите!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—16.

[1] Я не знаю, что это такое?

Меженин сокрушенно смежил ресницы, подвигал по скулам желваками, отчего маленькие, по-женски красивые уши его, казалось, зверовато прижались, предупредил дремотным тоном сожаления:

— Глядите, товарищ лейтенант, не обожгитесь об меня. Раскаленный я бываю, тогда сам себя боюсь. Хотел мужской разговор поиметь с вами. А вы мне старое вспомнили. Забыл я старое...

— Хотите, чтобы я вспомнил вчерашнюю ночь?

— Ссориться со мной не надо, лейтенант. Нужный я вам человек. А насчет вчерашнего — темненькое это... Ночью-то все кошки серы. Померещилось вам. В голову все может прийти, ни одна душа не видела. А у меня глаза есть... Бог свидетель...

Меженин, скромненько вздыхая, изобразил знак крещения, глянул намекающе на смятую постель, потом вроде бы нехотя повернулся и, раскачиваясь, вышел.

Он вспылил, не выдержал этой невозмутимой самоуверенности Меженина, его незастенчивой циничности, этой предложенной им полусделки, полусговора, что само по себе подтверждало наивную слабость Никитина; Меженин безнаказанно мстил ему за вчерашнюю ночь и вместе за прошлое, за Житомир, хотя впрямую разговор и не касался старого, кроме одной фразы: «А вы мне старое вспомнили...»

«Старое» было в сорок третьем. Да, Никитин хорошо помнил то раннее туманное ноябрьское утро, когда немцы начали контратаковать и охватывать танками еще спящий город, помнил, как он получил срочный приказ командира батареи выдвинуться к западной окраине, занять новую позицию на танкоопасном направлении. С этим приказом, вернувшись во взвод, он не обнаружил Меженина возле орудий. Он нашел его в одном из до-

мов, близ огневых, где размещались на ночь,— пьяного, безобразно опухшего, без гимнастерки, в обнимку с какими-то двумя молодыми женщинами, сидевшими за столом, хаотично заставленным грязными тарелками, порожними бутылками, банками консервов, сплошь заваленным плитками французского шоколада, кругами трофейной колбасы.

Вслед за Киевом Житомир взяли с ходу, немцы не успели вывезти продуктовые запасы, и батарея, поддерживая стрелковый полк, продвигалась мимо вокзала и первой наткнулась на оставленные склады в пакгаузах.

И тогда утром, найдя Меженина не во взводе, а в соседнем от огневых позиций доме, Никитин, не очень удивленный, приказал ему немедленно привести себя в порядок, умыться, одеться и идти за ним к орудиям. Однако Меженин, не дослушав его, шумно вздымаясь шатким телом из-за стола, вытолкнул навстречу ему визгливо захихикавшую, полураздетую женщину с черными непричесанными волосами, крикнул:

«Ты — интеллигент, лейтенант! Выпей-ка с нами и по-интеллигентски вот эту чернявую бабку попробуй, она в немецком госпитале работала, все знает! Небось, бабу ни разу в жизни не трогал! Веди ее в другую комнату, не робь, лейтенант!»

Он захохотал, в горле его буйно заклокотало, и Никитина передернуло.

«Я жду,— сказал он.— Жду на крыльце пять минут. Быстро собирайтесь, Меженин».

Он ждал на крыльце, он еще верил, что сейчас выйдет за ним многоопытный Меженин; тот знал: независимо ни от чего никто не был во власти отменить или изменить полученный приказ о выдвижении взвода на танкоопасное направление.

Но Меженин не вышел и через десять минут, и, еле осиливая нетерпеливую злость, Никитин снова вошел в комнату, душную от запаха водки, пота, жирных мясных консервов, опять с отвращением увидел блаженно-хмельное лицо Меженина, все так же без гимнастерки, в несвежей нижней рубахе, все так же сидевшего в обнимку с двумя женщинами; одна из них, черненькая, непричесанная, что давеча хихикала неприятно-визгливо, взасос целовала в разрез рубахи волосатую грудь Меженина, другая, крупная, широкоскулая, сипло шептала что-то ему на ухо, в то же время украдкой нажимала туповатыми пальцами на плитку шоколада, разламывая ее на столе.

«Меженин! — крикнул Никитин, чувствуя, что присутствует при совершающейся открытой мерзости, уже ненавидя это сизое, блаженное лицо Меженина и этих двух женщин, потных, полураздетых, неопрятных.— Марш отсюда, Меженин! Получен приказ — двигаться! Вы слышали, что я сказал?»

«Куда, во взвод? Куда двигаться?— выговорил Меженин, закатывая глаза, как от щекотки.— Киев взяли, Житомир взяли, лейтенант! Не заслужили, что ли, гульнуть разок? Зас-луж-жили кр-ровью — и точка! Говорю, бери черненькую, лейтенант! Я не жадный! Или уходи, не мешай людям, по-мужски говорю!»

«Если вы через десять минут не появитесь во взводе,— сказал Никитин,— я отдам вас под суд».

«Да хоть расстреляй!— заорал дурным голосом Меженин и, куражась, вскочил, рванул на груди давно не стиранную рубаху.— Расстреляй! А сначала хочу в раю побывать!»

Позднее Никитин не мог без содрогания вспоминать неестественность собственного положения, те слова о суде, грязную полутемную комнату, напитанную запахом еды, нечистого белья, и выпирающее бесстыдство женщин, дурашливо пьяный крик и хохот Меженина, или не желавшего, или переставшего понимать реальность обстановки.

Меженин пришел во взвод лишь вечером, после боя, весь отекший, мертвецки-синий, сказал Никитину: «Моя вина, лейтенант. Все, завязал!» Потом, посмеиваясь, заявил солдатам, что пробыл в медсанбате по причине отравления фрицевскими консервами и болезни желудка, а Никитин, почти необъяснимо промолчав, долго пытался убедить себя впоследствии, что простил Меженину страшное прегрешение на войне только потому, что взвод тогда не понес потерь, и потому, что Меженин не был трусом, считался лучшим командиром орудия в батарее.

Но то, что сейчас Меженин с едкой циничностью пошел на обострение отношений, приглушенных Никитиным, было, по-видимому, явным результатом двух прожитых неправдоподобно благостных и разлагающих суток вдали от войны, без ежеминутной опасности, когда всеми ожидалось: вот-вот нечто огромное должно измениться на земле, навсегда ослепить радостной синевой завоеванного и возвращенного мира, счастливым началом вечного праздника, обещающим новую нескончаемую жизнь, к которой каждый испытывал жадность по-разному.

«Что же мне делать? — думал Никитин, торопливо бреясь. — Я тоже не чист, я тоже в чем-то замешан... Со мной тоже случилось какое-то безумие?..»

Вся батарея была построена на лужайке; вокруг зеленела трава, везде сильно грело солнце, весенние запахи обогретой травы, цветущей вдоль забора сирени, белых яблонь то прохладными, то теплыми волнами ходили в утреннем воздухе, и эти запахи будто обмыли Никитина, когда он подошел к строю.

Лейтенант Княжко заканчивал физзарядку, что называлась особой «пехотной» физзарядкой, порой применяемой им на отдыхе,— рукопашный и штыковой бой, приемы его, ни разу не использованные в батарее ни одним солдатом на передовой, ни самим Княжко, были, по его убеждению, необходимой тренировкой для физической закалки тела, заученной еще в пехотном училище.

Княжко, голый до пояса, стоял на краю лужайки у принесенного (по его приказу) из города и воткнутого в землю рекламного щита, где изображалась гигантская бутылка пива, опрокинутая над кружкой, вожделенно кипевшей шапкой пены, и, держа винтовку с примкнутым штыком, говорил внушительно маленькому рыжему Таткину:

— Что у вас за движения? Как бегаете? Как держите винтовку? Мускулы дряблые, плечи опущены, смотреть на вас неприятно. Убрать живот, грудь развернуть, спину выпрямить! Посмотрите, как это делается!

Княжко втянул и без того плоский живот, слегка развернул плечи, и его тонкая, прямая, мускулистая фигурка налилась изящной упругостью силы, гибкой и литой собранностью. Точно мальчик в гимнастическом зале проверял послушность развитых мышц перед упражнением.

Низкорослый Таткин, лоснясь на солнце белокожей спиной и безволосой грудью, усиливался подтянуть ремнем складку отвислого животика, вбирал шумными вдохами воздух, несколько сконфуженный, и всегда хитроватое, подсчитывающее что-то, усатое личико его выражало серьезность попытки. Было известно, что наводчик Таткин, бывший счетовод, постоянно считал, высчитывал про себя, выверял все, что поддавалось какому-либо исчислению, неизменно делил на порции хлеб, взводный табак и сахар, цепко держал в голове количество не выданных старшиной сухарей, количество выстреленных снарядов, подбитых танков, полученных батареей орденов и медалей, и, зная эту его арифметическую способность, солдаты, возбужденные физзарядкой, весело наблюдали за ним из строя, беззлобным смешком и советами подбадривали:

— А ты на счетах отщелкай, Таткин, на сколько сантиметров комод подтянуть можно! Отрастил передний предмет на вольных харчах!

— Пузом не дыши, сатана рыжий! Ишь, пыхтит быком! Всех задерживаешь, ты носом, носом, подлый дыши, ровно коза!

Лейтенант Княжко на эти замечания холодно мелькнул зелеными глазами по батарее, и развеселые голоса солдат утихли разом при его команде:

— Самых знающих попрошу выйти из строя и показать Таткину последнее упражнение — бросок в атаку!

Никто из «знающих» не выходил из строя, никто не вызвался показать бросок в атаку, трезвым ветерком смыло на лицах запоздалые улыбки; и тогда Княжко приказал поежившемуся от звука его голоса Таткину:

— Еще раз! Вложить в атаку ярость, уверенность и силу! И лицо, лицо, ваше лицо должно напугать того, кого вы атакуете! Ясно? Еще раз! Держите!

И молниеносным броском передал винтовку Таткину. Тот неловко поймал ее захватом на грудь, крякнул, выставил штыком в наклон и затрусил, заколыхался рысцой вдоль строя по молодой траве лужайки.

— Стоп! — крикнул недовольный Княжко, подбегая к Таткину, и выхватил у него винтовку.— Отставить! Ваше счастье, что вы в артиллерии, а не в пехоте! Сходили бы в атаку только раз! И — конец, Таткин! Смотрите сюда! Всем смотреть сюда и запоминать! — громко скомандовал он батарее, и в один миг все весеннее и солнечное потускнело, изменилось здесь, на зеленой лужайке, вернее — изменилось, потеряло свои прежние черты лицо Княжко, оно стало страшным, искаженным злостью, свирепой одержимостью напора, его тело упруго и резко наклонилось вперед, винтовка в его руках, нацеленная жалом штыка в пространство враждебного мира, замерла в изготовленном смертном положении,— и он стремительными прыжками ринулся по лужайке к рекламному щиту, жутко крича что-то горлом нечленораздельное, вызывающее у Никитина мороз по спине.

Рекламный щит был уже в двух прыжках от сверкающей иглы штыка, и Княжко достиг его, изогнулся вправо, влево, его тонкий мускулистый торс напрягся в убыстренном скольжении, он косым и ловким выбросом вонзил острие штыка в середину рекламы, выдернул штык, вновь изогнулся, как бы уклоняясь от кого-то, и ударил сильно прикладом по краю щита, с треском валя, опрокидывая его на землю. Был все-таки в этой воображаемой борьбе некий невнятный момент, какая-то неясная грань, когда это действие могло показаться смешным Никитину, ненужной игрой в праздные упражнения, но вместе с тем в движениях Княжко была такая артистическая сила ненависти, такая пугающая ярость схватки, что возникло ощущение стальной пружинки, смертельно подвластной ему в этом броске.

— Ясно? — крикнул Княжко, обращаясь не к Таткину, а ко всей батарее, и мальчишеское лицо его приняло прежнее выражение холодноватого спокойствия, чуть упрямого, не разрешающего фамильярности высокомерия.— На этом закончим сегодня! А завтра повторим! Всем — раз-зойтись!

Он воткнул винтовку штыком в землю.

«Я знаю, зачем он это делает,— подумал Никитин.— Но почему я смотрю на Княжко, и мне кажется, что все скоро кончится не так, как мы хотим?»

Батарея, оживленная говором, смехом, рассыпалась между тем по лужайке, забелели в сквозистой тени сосен, среди яркой зелени незагорелые спины, иные кинулись умываться к водопроводной колонке под кустами сирени возле ограды, иные легли на траву, блаженно окунувшись в ее теплый пресный запах, не спеша закуривали трофейные сигареты, ожидая часа завтрака, а кухня уже безмятежно курилась легчайшим дымком за снежной кипенью яблонь около дома, и повар, багровый от пахучего пара, орудовал, помешивал черпаком в котле.

«Как же все это со мной? — думал Никитин, глядя на водопроводную колонку, где умывался Княжко, окруженный солдатами.— И все случилось сегодня, как в бреду, но было, было, а я не могу представить, что было у нас. Мы оба хотели этого? И она и я? И Меженин знает, что случилось?»

В это время сержант Меженин ленивой развалкой подошел к воткнутой в землю винтовке, его плечи, отлакированные солнцем, маслились потно, синяя татуировка выделялась распростертыми крыльями орла на волосатой его груди; он выдернул винтовку, почистил штык о траву.

«Так что же будет дальше?» — опять подумал Никитин и в тот момент, когда Меженин кончил чистить штык, вдруг перехватил мимолетно сощуренный взгляд сержанта на верхнем окне дома. И Никитин взглянул туда. Там за стеклом полукруглого окна мансарды, у края занавески светлеющим силуэтом стояла Эмма и смотрела вниз. Он увидел ее неотчетливо, как в жидком туманце, и тут же острое сознание несоединимой расколотости, разъединенности между ним и ею, сознание случившейся, невозможной, сделанной сегодня ошибки знобящим уколом прожгло его,

будто тайно предал самого себя перед всеми...

Она, немка, была там, во враждебном мире, который он не признавал, презирал, ненавидел и должен был ненавидеть, по которому он три года стрелял, испытывая неистовое счастье от одного вида охваченных дымом подбитых танков, она была в том мрачном, чужом, отвергаемом им мире, заставлявшем его после каждого боя хоронить своих солдат в заваленных прямыми попаданиями ровиках, писать самые трудные письма, эти объяснения, эти оправдания командира взвода, по выбору обманчивого топорика смерти оставшегося в живых. Она была там, на другом берегу, за разверстой пропастью, а он был на этом берегу, залитом кровью, и ничто не давало ему права, ничто не позволяло ему хотя бы на минуту забыть все и перекинуть жердочку на ту опасную противоположную сторону, где было недавно раннее утро, лавандовый запах ее вымытых волос, ее шершавые губы. «Как это получилось? Зачем же это получилось у меня? Я не прощу себе...»

Да, она была там... И она почему-то стояла за краем занавески в окне мансарды и, заслоняя глаза от солнца, смотрела вниз, на блещущую травой лужайку, где ходили, лежали, курили, шумно умывались под колонкой солдаты и где был он, среди своих, родственно связанный с ними всей судьбой, войной, всей жизнью, и отъединенный от нее этим солнечным оконным стеклом, сочной лужайкой, утренними разговорами солдат и невероятно тихим немецким городком, куда они пришли из Берлина через огромный, враждебный, убивающий мир.

— Наблюдает немочка-то, а? — сказал безвинно Меженин, проходя мимо Никитина, и, так же безвинно подмаргивая, помахал ей рукой.— Ишь, глазеет на русских, бесенок. На вас глазки пялит, товарищ лейтенант. Или шпионит немочка?

А она сверху заметила его жест, вспугнутой тенью отпрянула, исчезла в проеме окна, колыхнулась тюлевая занавеска, и тотчас знойными спиральками в голове Никитина пронеслось: «Вади-им, Вади-им»,— он сделал усилие над собой, голосом приказа сказал:

— Вот что, Меженин. Сегодня позавтракать, накормить людей без пива и шнапса. Через час — взвод к орудиям. Проведем занятие. Заниматься будем каждый день.

— Ясныть,— ответил Меженин, и в покорном подрагивании его ресниц таилось насмешливое согласие: «Я-то уж понимаю все».

«Нет, не все! Все кончено с этим!» — решенно подумал Никитин, овеянный чувством внезапного освобождения от чего-то недозволенного, поневоле совершенного им, мутно угнетающего его, и быстрыми шагами направился к Княжко, а тот, окатив себя водой до пояса, расхаживал подле плещущей струи колонки, осажденной солдатами, тщательно растирал полотенцем мускулистый, покрасневший торс.

— Я любовался на тебя, Андрей,— сказал Никитин.— Просто отлично! Пехота в тебе еще сидит.

— Детские игрушки,— ответил пренебрежительно Княжко и, недовольный, заговорил:— Марки, трофеи, карты, «двадцать одно», убиваем время, жиреем и начинаем разлагаться. И знаешь, почему? Все конца ждут, а конца нет. Зашвырнули нас куда-то на кулички от Берлина. А смысл? Не ясен, хотя на западе бои. Как наши новоиспеченные хозяева? Курт, значит, ушел? А эта Эмма осталась? — спросил Княжко.— Ты знаешь?

— Да. Ушел. В Гамбург,— сказал Никитин и сейчас же перевел разговор:— Рацию слушал? Что нового? Как там?

— В Берлине — никаких изменений,— ответил Княжко.

Перед завтраком проверяли огневые.

Позиция батареи начиналась в ста пятидесяти метрах от дома — орудия были врыты на краю поля за оградой яблоневого сада,— и они шли к огневым в полной тишине приозерного луга, еще росного, влажно-пахучего, трава сочно хлестала по сапогам, шли, как бывало когда-то давным-давно на подмосковных дачах, и Никитин, опьяненный этим утренним покоем открытых впереди голубоватых далей, солнцем, запахами согретой земли, струистым парком над озером, первым нарушил молчание:

— А вообще не верится, что не кончилась. Когда же, Андрей? Через две недели? Через месяц?

— Тогда, когда кончится,— резко ответил Княжко и приостановился, раздумчиво вглядываясь в земляные бугры недалекой огневой позиции.— Вот тебе ответ на твой вопрос: часового на батарее не вижу. Полнейшее курортное настроение у всех.

— Это началось в первый день,— сказал Никитин.— А что сделаешь, Андрей? Все чувствуют, что скоро...

— И твой часовой тоже? Где он?

Но Княжко ошибся: часовой находился на огневой позиции, полудремотно лежал посреди снарядных ящиков в нише, глаза и лоб прикрыты от солнца пилоткой, автомат покоился около ног, ремень распущен на животе. Заслышав рядом шаги, он подтянул ноги, сел, закрутил головой, громко откашлялся, давая о себе знать, на всякий случай угрожающе окликнул:

— Стой, кто идет? — И неудержимо заулыбался во всю ширину разомлевшего, потного лица.— А, товарищи лейтенанты! А я слышу — сюда никак...

— Снов не видели, Ушатиков? — поинтересовался Княжко бесстрастным голосом.— В горизонтальном положении мне, например, всякая дьявольщина снится. Какая, спросите? Ну, скажем, что часового вместе с орудиями и снарядами немцы украли. Возможно, Ушатиков?

— Не-е, не спал я, товарищ лейтенант, на солнышке чуток после росы подзагорал, очень ласковое солнышко-то,— еще добродушнее расплылся Ушатиков.— Откуда? Какие немцы-то? И не шелохнутся теперь. Берлин как-никак наш, дураки они, что ли? Во, товарищ лейтенант, что сержант Меженин мне подарил, время в аккурат буду знать. Трофе-ей!

И, чрезвычайно счастливый, он выставил на запястье часы, пленительно сияющие стеклом и никелем, послушал их, после чего удивленно сообщил шепотом:

— Тикают себе, фрицы, и тикают. И чего они тикают?

— Дети какие-то,— дернул плечом Княжко, хотя сам был, видимо, моложе Ушатикова года на два, и, сказав, опустился на станину посмотрел своими серьезными неулыбчивыми глазами на ниточку шоссе за озером, по которому в белесой дымке пыли двигались к лесу машины из городка. Спросил: — У вас что, первые часы за войну, Ушатиков?

— Не было у меня, мечтал я...— ответил длинношеий Ушатиков и осторожненько, эдак рукавом гимнастерки смахнул невидимые пылинки со стекла часов, протер никелированный ободок циферблата любовно.— А непонятное это дело — часы, ума не приложу. Крохотные колесики там крутятся. Живое все. Как дыхание в них. И идут себе, идут. Навроде крохотные человечки в них работают молоточками. А зачем людям время показывать, товарищ лейтенант? Вот интересно... Без него жить можно или нельзя? День так день, ночь так ночь. Зачем это все люди придумали? Чудно!

Наивный Ушатиков задавал обычные свои вопросы, по обыкновению удивляясь тому, чему не было смысла удивляться, и Княжко вроде бы начал злиться — теснее соединились на переносице брови, замкнуто обострилось повернутое к лесу его лицо, точно что-то неприязненное было в простодушных этих вопросах.

«Он не знает, что произошло утром со мной,— подумал Никитин, чувствуя томительный звон в голове.— Я не хочу вспоминать, но помню ее губы, ее влажные волосы... Как это забыть?»

— Никитин,— проговорил Княжко с раздражением.— Обрати внимание на лес. Или мне показалось, или какой-то славянин устраивает фейерверк немецкими ракетами. Вконец ошалели славяне.

— Где ракеты?— сказал Никитин.— Не вижу никакого фейерверка.

— Посмотри левее озера. Это опять к нашему разговору,— прибавил Княжко тоном утверждения, уже не сомневаясь в реальности того, что увидел.

— Левее озера?

Все было спокойно — солнечная иссиня-зеленоватая даль лугов, зеркальная чаша вытянутого озера, вспыхивающая белыми иглами поверхность воды, за ней опушка соснового леса в прозрачных струях чистого воздуха — всюду погожее утро, ровный блеск молодой травы, везде полная безлюдность, лишь далекая колонна машин на шоссе, пунктирной цепочкой текущая к лесу со стороны городка. Но потом слева от озера над вершинами леса, показалось Никитину, что-то неуловимо пыхнуло, мелькнуло искристой красноватой пылью, рассеялось радужной игрой света и волнистой дымки, будто угасающие хлопья ракет, и снова рядом с этой дымчатой пылью вползли в синеву неба четыре обесцвеченных солнцем огонька, бесшумно растаяли в тумане над лесом, слабо видимые в кратком изменчивом сверкании.

— Теперь видишь? — спросил Княжко.

— Только непонятно — зачем,— сказал Никитин.— Зачем забралась туда наша пехота? На кой черт она там?

— Хлебнули, видать, славяне и давай из ракетниц ворон сшибать, постреливать в лесу!— округлил глаза Ушатиков, приподымаясь, изумленно вытягивая долгую шею, и так, полуподнявшись, хлопнул руками по бедрам.— Это что же — от неча делать ракетами славяне балуются? Пехота наша матушка!

— Вполне возможно, Ушатиков,— сказал медленно Княжко и, одолевая голосом сомнение в себе, договорил Никитину:— Но для чего... какой наш дурак может без цели стрелять немецкими ракетами, во имя чего?

— Так наши же шалят, чего сумлеваться! Говорю, по воронам из ракетниц балуются! Вон колонна к лесу идет, «студебеккеры» наши! Откуда там немцам-то? — в суматошном всплеске радостной правоты вскричал Ушатиков, стоя в полусогнутом положении над бруствером.— Во-он наши машины идут!.. Видите?

— Да, это наша колонна,— сказал Никитин.

В ясном воздухе было видно, как в лес за вспыхивающим озером по белой ниточке шоссе втягивалась колонна — пять крытых брезентом «студебеккеров», доносилось издали комариное нытье моторов, по опушке зайчиками проскакали и исчезли отблески боковых стекол, кудрявые вихорьки обочинной пыли еще оседали вдоль шоссе, еще плыли сероватым заборчиком позади последней машины, вползшей в лес. Но в тот же миг, когда скрылся из поля зрения последний «студебеккер», три глухих разрыва вместе с несмолкаемо длинной пулеметной очередью рванулись оттуда, и раскатилось по далям эхо, бездымно взвились, прочеркивая искристые дуги, ракеты, следом с неистовой догоняющей торопливостью заработали в глубине леса автоматы, и тотчас Никитин хорошо увидел на опушке два «студебеккера»: они выкатывались по дороге задним ходом, пытаясь развернуться.

Первая машина развернулась, странно виляя, выдвинулась на шоссе, густо окутанная дымом, среди которого косыми багровыми лоскутьями полоскался сорванный брезент, затем весь верх кузова полыхнул широким огнем, и огненное тело «студебеккера», накреняясь, пошло заносом наискосок, ткнулось передними колесами в кювет, боком загородив шоссе. Вторая машина, тоже успевшая развернуться, не затормаживая, круто устремленная вправо, едва не врезалась бортом в пылающий впереди огромный костер, подпрыгивая на выеме кювета, на ухабах луга, обогнула подожженный «студебеккер» и снова выехала на шоссе, набирая предельную скорость по свободной полосе дороги.

Но как только она свернула с луга на шоссе и освобожденно помчалась, заметно оставляя позади горящий «студебеккер», из опушки леса горизонтально вылетел оранжевый скачок огня, и столбообразный разрыв встал левее машины. Второй вылет огня из леса аспидной чернотой поднял сзади кузов «студебеккера», вздыбил, толкнул его вверх, всплеснули над кабиной кроваво-алые космы — и этот клубок пламени, закрученного дыма сдвинулся с шоссе, перевалил через кювет, слепыми зигзагами пополз по траве луга и мертво застыл метрах в двухстах от песчаного берега озера.

— Дак что же это, а?.. Что ж это?.. Что ж это?..

Ушатиков, как стоял в полусогнутой позе, так и оставался стоять до этого растерянного, бессмысленного вскрика, и, вскрикнув, меш-

ком осел на снарядный ящик, перекатывая добела́ обваренные непониманием глаза с Княжко на Никитина, а они не говорили ни слова, оба смотрели на шоссе, и молчание между ними росло, давило на Ушатикова тяжестью тревоги, смертным ожиданием неизбежно наступавшего часа.

— Дак ведь это ж танки по нашим машинам били,— пораженно прошептал Ушатиков.— Хосподи Сусе! Да откуда ж они? Значит, немцы там?

— Это била самоходка,— ответил Княжко машинально, словно про себя, трудно принимая какое-то решение, и внезапно крикнул звонко Никитину, которого резкий толчок действия бросил к казеннику орудия:— Стой! Нет смысла! Оставь! Километров восемь отсюда! Только снаряды испортишь! Не разрешаю!

— Две машины дуриком сожгли, две машины... Значит, наша колонна напоролась,— говорил тихо Никитин, глядя туда, за озеро, где в зеленом и солнечном блеске утра почти без дыма буйно горели два «студебеккера», настигнутые прямыми попаданиями самоходки. И тут увидел третью машину: непонятно как прорвавшаяся из леса на шоссе, машина эта, отдаляясь и отдаляясь к городку, сумасшедше мчалась в завесе пыли по ровной стреле асфальта, но невидимая самоходка, скрытая опушкой леса, теперь по ней не стреляла — «студебеккер», вероятно, уходил из поля точности цейссовского прицела.

— К телефону, Никитин! Быстрей! Пошли! Ушатиков, остаетесь! Наблюдать здесь! — скомандовал Княжко и стремительно, соизмеряюще глянул на пылающие машины, на опушку леса, там взлетела одинокая сигнальная ракета, взлетела и распалась слюдяными искрами в онемелой синеве неба. И на землю пала свинцовая, удушливая тишина.

Однако, когда Никитин и Княжко добежали до дома, в батарее было тоже неспокойно. Здесь услышали первые выстрелы, и солдаты высыпали из дома на лужайку, дожевывая галеты, иные с недопитым чаем в котелках, недоверчиво и пытливо смотрели в сторону сада, вокруг раздавались угадывающие голоса: «Мины никак наши в лесу подрывают? Или что?» — и сержант Меженин, посмеиваясь, пригашивал это возбуждение бодро зычным покрикиванием: «Ладно, ладно, чего без толку засуетились? Команда была? Продолжай завтрак, без нас разберутся! Чего взгагакались?» Но сейчас же взмахом длинных ресниц как бы жадно всосал в светлую глубину глаз серьезные лица приблизившихся офицеров, и желваки его набухли на скулах.

— Опять война? А?..

— Заканчивать завтрак! Батарея, тревога! — сломал голоса солдат командой Княжко и, прихрамывая, прошел в дом вместе с Никитиным, а тот на ходу повторил команду Меженину:

— Взвод, боевая тревога!

В той самой комнате-кабинете или гостиной, где прошлой ночью от нечего делать беззаботно играли в карты, пили пиво и слушали патефон, Никитин с кольнувшим сердцем неожиданно увидел низко склоненную фигурку возле закопченного зева камина, знакомые желто-медные волосы, рассыпанные по спине, и как-то сразу не понял, зачем здесь Эмма, присев на корточки, железными щипцами трогала, ворошила на решетке поддувала сгоревшие пачки рейхсмарок, выгребала их на совок. Она обернулась при виде вошедших Никитина и Княжко, вскрикнула: «Ай!» — и, выронив щипцы и совок на решетку камина, стремглав выскочила из комнаты.

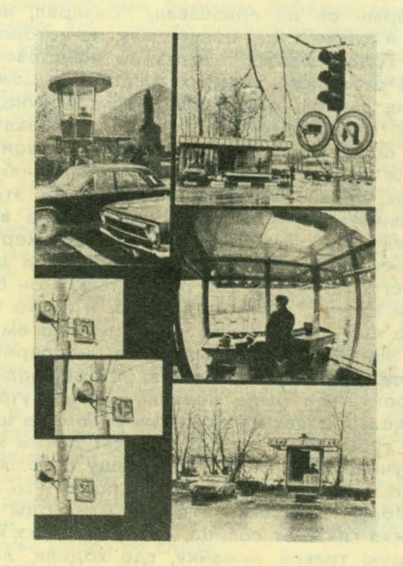
— Немка-то,— сокрушенно цокнул языком связист, добродушный толстогубый парень, дежуривший у телефона,— жалко ей очень. Зашла сюда, увидела ихние деньги сожженные и чуть не заплакала. Что за шум такой, товарищ лейтенант?

— Дайте штаб дивизиона! — приказал Княжко.— Минута вам на связь!

— В секунду сделаю, товарищ лейтенант!— заелозил на стуле, встрепенулся толстогубый связист и закрутил ручку полевого аппарата.— Неуж немцы? Да откуда они? Неуж немцы?..

Продолжение следует

ГОРОД И ТРАНСПОРТ

Москва — крупнейший транспортный узел Европы. 170 внутрисоюзных и 70 международных линий Аэрофлота связывают ее с городами страны и многими столицами зарубежных государств. Голубые магистрали соединяют Москву с пятью морями. Каждый день два с половиной миллиона пассажиров проходят через сводчатые арки столичных вокзалов, вливаясь в восьмимиллионный поток москвичей. 15 автострад пересекаются в центре советской столицы.

Из какого бы уголка страны ни приехал человек в Москву на автомобиле, первое, что встретится на его пути,— сооружение из стекла и алюминия. В лучах солнца оно кажется воздушным и невесомым, в ночи — выглядит сверкающим кристаллом. На крыше павильона сквозь мерцание синего маяка выступают три знакомые всем буквы — ГАИ. Это новые блок-посты Госавтоинспекции — контрольно-пропускные пункты.

Стеклянные стены павильона позволяют вести широкий обзор и держать под контролем всю зону движения транспорта на определенном участке магистрали. В нескольких сотнях метров от поста на специальной мачте установлена телекамера. Она непрерывно передает изображение на пикетный монитор. По его картинке инспектор в любую минуту может зафиксировать и нарушение, допущенное водителем. в радиусе обзора телекамеры (а он немалый — 3 километра), и вовремя заметить дорожное происшествие и вдруг образовавшийся затор. Сотрудники Госавтоинспекции своевременно придут на помощь. В их распоряжении мощная радиостанция и каналы прямой телефонной связи, с помощью которых можно постоянно сообщаться с дежурными по городу, с близлежащими постами и патрульными машинами.

Блок-посты ГАИ появились на столичных магистралях сравнительно недавно, а сейчас их уже более двадцати.

Ныне протяженность уличной сети города составляет 3 500 километров. А сколько в Москве улиц? 1 800 да еще 900 переулков, 50 проспектов, 87 площадей, 63 набережных. Генеральный план развития столицы предусматривает увеличение сети улиц и магистралей в полтора раза, их протяженность увеличится до 4 900 километров.

Бурное развитие столицы неуклонно ведет к значительному увеличению транспорта. Сегодня только пассажирский транспорт города обслуживает 390 маршрутов и ежедневно перевозит свыше 15 миллионов пассажиров. В таких условиях регулирование сложных транспортных и пешеходных потоков вырастает в важную отрасль народнохозяйственной деятельности, отрасль, связанную с использованием сложной техники.

За последние годы в столице осуществлен большой комплекс работ, направленных на улучшение условий движения и повышение безопасности водителей и пешеходов. Но жизнь диктует новые требования. Столицу уже не может удовлетворить сложившаяся с годами схема организации движения. Необходимы гибкие и динамичные методы регулирования. Совсем недавно на площади Маяковского появились необычные знаки. В разное время суток в зависимости от интенсивности потоков транспорта с помощью этих знаков можно менять режимы движения, запрещать или разрешать повороты, вводить ограничения скорости, отменять стоянки и остановки машин. Достаточно инспектору нажать кнопку на пульте, и символика знака изменится.

В 1968 году на Даниловской площади была введена в эксплуатацию телеавтоматическая система регулирования «Изумруд». Впервые обязанности регулировщика взяла на себя электронно-счетная машина. Уже первый год ее эксплуатации показал высокую эффективность нового метода. Это и послужило основой для создания такой системы, которой подчинялись бы все перекрестки города. Так родился проект «Старта» — общегородской системы телеавтоматического управления транспортными потоками с использованием электронно-вычислительной техники и телевидения. Сейчас работы по созданию «Старта» завершаются. Закончены испытания опытных образцов телевизионной техники, электронно-счетных устройств.

Юрий ЧЕРНЯВСКИЙ

Н. Овечкин. Род. 1929. В. И. ЛЕНИН В ПРАГЕ.

В. Цыплаков. Род. 1915. ЛЕНИН СРЕДИ КРЕСТЬЯН ДЕРЕВНИ ГОРКИ.

НАСТЯ-ПАРТИЗАНКА

Анастасия Елизаровна Самойлова — работница одной из московских типографий, бессменный председатель месткома. На ее груди ордена Красной Звезды, Отечественной войны, медаль «Партизану Отечественной войны».

...Ноябрь сорок первого года. Подмосковье. Группа партизан много дней продвигалась из вражеского тыла к линии фронта. Несколько часов назад они вынуждены были принять неравный бой с гитлеровцами.

...Вышли к опушке леса. Впереди гладкое, белое поле. За ним чернеет деревня. Рассматривая в бинокль деревню, командир думал: «Если в деревне наши... тогда одним рывком мы выйдем, и люди будут спасены». Решалась судьба пятидесяти человек, измотанных тяжелыми боями и дальними переходами.

Настя Самойлова тоже была в этой группе. Она, как и все, знала, что в деревню пробраться скрытно нельзя. Можно пойти, только встав во весь рост. На ней одежда деревенская, платок повязан. Может быть, примут за местную — стрелять не будут. Только бы узнать, кто там!

И Настя пошла. По открытому белому полю. Обернулась на миг — партизаны увидели ее глаза, полные решимости и слез... Вот она уже далеко. Неожиданно короткая пулеметная очередь резанула от деревни. Настя побежала, размахивая руками, и что-то закричала. Но тут же споткнулась, припала на одну ногу, поднялась и побежала снова... И вдруг навстречу к ней вышли наши, советские солдаты!

Так Настя своей храбростью решила судьбу партизан. Прошло столько лет, а перед глазами ясно встает эта картина — маленькая девушка и огромное, белое поле.

А. ЗАВГОРОДНЕНКО,
бывший комиссар партизанского отряда

На снимке: Анастасия Елизаровна Самойлова.

МЫ ПРИНЯЛИ ПЕРВЫЙ БОЙ

Полк наш формировался в Казани. Направили нас на фронт в апреле 1943 года. Я была командиром дальномерного отделения первой батареи 1872-го Краснознаменного зенитного артиллерийского полка ПВО.

Первый бой мы приняли в ночь на 1 мая 1943 года под городом Коростенем. На нашу часть налетело 280 немецких самолетов. Сквозь пелену дыма и огня не видать неба. Город пылал.

Бой длился 3 часа, но нам он показался вечностью. Сначала было боязно, но потом некогда стало даже думать о страхе: самолеты врага шли и шли. Меня немного поцарапало осколками в голову, левую руку и плечо, я оглохла, но не отошла от своего прибора. Нельзя никак было — летят же, черти, сбрасывают бомбы!

Впоследствии таких боев было много. Наш полк находился в составе многих фронтов — Северо-Западного, Белорусского. Войну мы окончили в Варшаве.

Я сейчас работаю в школе, в городе Елабуге. Здесь живет несколько человек из нашего полка. Мы часто вспоминаем своих боевых друзей и мечтаем о встрече с ними.

Г. АГИШИНА-ЧИЧВИНЦЕВА

Елабуга,
Татарская АССР.

На снимке: дальномерщицы 1872-го артполка ПВО А. Сердонина, Г. Агишина и М. Карсакова. 1944 год.

ЧЕМ БЛИЖЕ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Чем ближе День Победы, тем сильнее желание найти, разыскать фронтовых друзей. Я была санитаркой в полевом госпитале. Военные пути-дороги наши пролегли от Орла до Берлина. Мы не совершали героических подвигов, не ходили в атаки на врага, но и у нас есть свой боевой счет — это каждый фашист, убитый бойцом, вернувшимся в строй из госпиталя.

Страшно было на войне. Но мы научились преодолевать страх, чтобы раненые видели нас спокойными, улыбающимися даже во время бомбежек и обстрелов, а это бывало довольно часто.

Трудно было на войне. Но мы научились работать столько, сколько было нужно, без сна и отдыха по нескольку суток.

Горько было на войне. Но мы научились прятать слезы, когда теряли друзей и подруг.

...Тридцать лет я храню эту фотографию, сделанную перед демобилизацией, и очень надеюсь, что, увидев ее в «Огоньке», многие друзья военных лет отзовутся. Мой адрес: 117192, Москва, Мичуринский проспект, дом 22, корп. 2, кв. 6

Софа НЕФЕДОВА,
бывшая санитарка ХППГ № 5166

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Когда главный режиссер театра Николай Петров поручил главную роль в пьесе Александра Афиногенова «Чудак» совсем еще неизвестному актеру, всего полтора года назад окончившему студию, автор заволновался: справится ли, вытянет ли, хватит ли дарования и темперамента... Роль эту, казалось молодому писателю, непременно должен играть зрелый мастер. Петров, однако, стоял на своем. И премьера «Чудака» в ленинградской Акдраме — ныне Театр имени А. С. Пушкина — полностью подтвердила правоту режиссера. Спектакль стал подлинным триумфом тогда еще делавшего на сцене свои первые шаги, а ныне прославленного мастера советского театра и кино Александра Борисова.

«Молодой актер,— вспоминает известный театральный деятель В. Рафалович,— как нельзя лучше подходил к этой роли. Борисовский Волгин был не железобетонным героем, а скорее лириком, романтиком, мечтателем, для которого все происходящее вокруг овеяно дыханием поэзии. Благодаря такой трактовке скромный заведующий расчетным отделом загряжской фабрики обрел живые черты энтузиаста социалистического строительства, а весь спектакль — высокое гражданское звучание».

Он был чудаком, борисовский Волгин, только в глазах карьериста Горского, деляги Дробного, бюрократки Трощиной. На самом же деле актер словно бы раздвигал рамки драматургического образа, подчеркивая не столько ранимость и незащищенность своего героя перед грубой прозой действительности, предательством в дружбе и любви, сколько его активное, действенное начало, пламенность его молодой души.

— Самое дорогое для меня в Волгине,— вспоминает А. Борисов,— его органический, здоровый оптимизм и, как у горьковского Нила, импульсивное, непосредственное желание вмешаться в жизнь, месить ее своими руками, плохому помешать, хорошему пособить. Он не умеет оставаться в стороне, за все у него болит сердце.

И вряд ли верно под словами «как нельзя лучше подходил к роли» видеть лишь совпадение данных актера с данными героя, думать, что главными достоинствами образа, созданного Борисовым, были лишь органичность и простота. Органичность и простота — это лишь необходимые условия творчества, но еще не само творчество. Борисов же создавал обобщенный портрет своего молодого современника.

В его воображении возник Волгин — «недавний комсомолец, озорной, полный жизненных сил и большой жизненной веры человек, один из тех, кто входил в те годы в жизнь в качестве ее полнокровного хозяина и строителя». На самом рубеже двадцатых — тридцатых годов, когда состоялась премьера «Чудака», актер словно бы прорывался своим творческим воображением вперед, знакомя зрителя с образом будущего строителя первых пятилеток, стахановца и ударника, энтузиаста социалистического соревнования. И в этом проявлялась подлинная творческая смелость молодого художника — актера новой формации. Если исполнитель роли Волгина в спектакле Московского Художественного театра опытный актер А. Азарин наделял его чертами душевной изысканности, специфической картавостью «почетного и потомственного интеллигента», то герой Борисова, видимо, вышел, как и сам актер, из рабочей среды, был представителем новой интеллигенции, рожденной революцией.

Борис Волгин, можно сказать, открывал собою галерею сценических портретов людей нового типа, появившихся на заводах и фабриках, полях и научных лабораториях, а позднее прославивших себя в битве с фашизмом. Для самого Александра Федоровича от Волгина тянется прямая ниточка к аспиранту-киргизу Кимбаеву («Страх» А. Афиногенова), шоферу Степану Минутке («Победители» Б. Чирскова), морскому офицеру Рекало («За тех, кто в море» Б. Лавренева), герою знаменитого романа Н. Островского «Как закалялась сталь» Павке Корчагину, секретарю райкома партии Чеканову («Высокая волна» Г. Николаевой и С. Радзинского»), революционному моряку Поздныщеву («Между ливнями» А. Штейна), генералу Охотину («Человек и глобус» В. Лавреньтева)...

В спектакле «Страх» Борисову пришлось играть рядом с выдающимися мастерами старшего поколения — Е. П. Корчагиной-Александровской и И. Н. Перцовым, талантливыми представителями поколений среднего и молодого — Л. С. Вивьеном, Н. С. Рашевской, М. П. Романовым, В. И. Честноковым. Но и в этом окружении талантливейших мастеров его работа не прошла незамеченной.

На первый взгляд в Кимбаеве не было ничего, что сближало бы его с Волгиным. Словно вихрь, врывался он в квартиру маститого ученого — профессора Бородина, ломая размеренный до этого ритм спектакля. «Короткий, бурный ветер прошумел, просквозил в застывшей атмосфере бородинского дома,— вспоминает один из зрителей.— Каскад стремительно произнесенных слов, горячих, резких жестов, неугомонный темперамент человека, живущего полной, напряженно-целеустремленной жизнью». Ну, а по сути, оба они, и Волгин и Кимбаев, как и сам актер, были из одной и той же когорты строителей нового мира, упорных и упрямых мечтателей.

И тот и другой образ принесли Борисову признание. Был ли полностью, однако, сам молодой актер доволен результатами своей работы? Если перечитать сегодня книгу А. Ф. Борисова «Из творческого опыта», вышедшую более двадцати лет назад, то станет совершенно очевидной высочайшая, исключительная требовательность артиста к себе, постоянная неудовлетворенность сделанным, свойственные только большим художникам.

Могучий, ярко и глубоко выраженный русский художественный талант, Александр Борисов чужд какого бы то ни было стремления к саморекламе, к переоценке и раздуванию собственных успехов, гипертрофированного самолюбия и самомнения. Высшая художническая добросовестность пронизывает весь его творческий путь. Можно поэтому понять, с каким огромным волнением приступал актер к работе над образом Павки Корчагина, с какой степенью взыскательности оценивал эту свою работу!..

Немало пришлось преодолевать актеру дополнительных препятствий на пути к этому образу. С одной стороны, фрагментарность, калейдоскопичность инсценировки, отсутствие внутренней связи между разрозненными эпизодами, с другой — сознание, что у каждого из людей, сидящих в зрительном зале, сложился свой образ Павла Корчагина, с которым приходится вступать в некое единоборство. Силой своего таланта, своего художнического видения мира Борисов в этом единоборстве побеждал. Созданный им образ пленял огромной чистотой, величием души, несгребимыми самоотверженностью и оптимизмом. По мнению самого Борисова, особенно удались ему начальная и заключительная части спектакля. В первой, питаясь впечатлениями собственной рабочей юности, актер рисовал романтическую фигуру подростка, всем сердцем тянущегося к правде и справедливости и обретающего их после встречи с большевиком Жухраем. В заключительной части актер раскрывал величайшее мужество Корчагина, преодолевающего физические страдания, его всепобеждающую волю к жизни. Огромным психологическим содержанием была насыщена пауза в тот момент, когда слепой, парализованный Павел подносит к виску револьвер. Короткая, самому актеру она казалась беско-

нечной. В ней была заключена героическая мысль о торжестве жизни над смертью.

Живая нить преемственности между образами, созданными актером в театре, пожалуй, обнаруживается без особого труда. Все они по сути своей героические характеры, лишенные внешних черт героизма. Каждому из них в высокой степени свойственны полная душевная самоотдача, постоянное, обостренное чувство личной ответственности перед людьми. Да, и играя Павла Корчагина, Борисов подчеркивал не исключительность его судьбы, а постоянную внутреннюю готовность к подвигу, неколебимую враждебность своекорыстию, шкурничеству, подлости. Но как обнаружить живую нить, связывающую эти образы с великолепными кинособзданиями Борисова — образами великого русского ученого Павлова и великого русского композитора Мусоргского? Но в том-то и суть, что и в этих крупнейших человеческих индивидуальностях актер раскрывает все те же нравственные качества и свойства, все ту же тему служения людям. Сердечная проникновенность роднит меж собою самых разных героев Борисова.

Сама мысль о том, чтобы воплотить на экране образ гениального русского ученого-физиолога, вызвала у Борисова прежде всего страх. Необычайно скромный, простой в быту, в общении с людьми человек, Александр Федорович думал прежде всего над тем, как передать гигантские масштабы личности Павлова, ни в чем не погрешив против психологической правды. Ключом к образу послужили для актера слова самого Павлова, которые говорит он (в сценарии) в день двадцатипятилетия своей научной деятельности: «Пожелайте мне всяческого беспокойства». Ему желают успехов, «счастья и покоя», а он, иронично, озорно поблескивая глазами, просит пожелать ему беспокойства! В этом весь борисовский Павлов — натура стремительная, страстная, неуемная, человек, постоянно ощущающий себя хозяином жизни!..

Борисов играл в фильме Павлова — студента, молодого врача, профессора, академика, глубокого старца. Тонко передавая возрастные изменения внешнего облика своего героя, актер был верен его человеческой сущности. Сущности воинствующего новатора, воинствующего не только в минуты спора с оппонентами, гнева и негодования, но и всегда, каждую минуту своей жизни. Сотни страниц трудов пришлось изучить актеру для того, чтобы сделать страсть ученого, его неустанное стремление к познанию непознанного, его глубочайшее патриотическое чувство своими, личными.

Создание образа Павлова — это художнический подвиг артиста. И таким же подвигом является создание образа Мусоргского. Если Павлов раскрывается актером более всего в сфере своих научных исканий, то Мусоргский — в сфере музыкального творчества, в борьбе за утверждение своей художественной программы.

Александр Федорович Борисов не просто актер, наделенный редким музыкальным слухом, задушевным песенным даром. Нет, когда поет он под гитару (а мне последний раз довелось слушать его пение не в большом концертном зале, а в узком актерском кругу, совсем недавно), он, можно сказать, мыслит звуками. И, вероятно, именно эта его способность и позволила ему с такой глубиной постичь и передать самый процесс творчества композитора, то, как он чувствовал и воспринимал Русь, русскую задушевную песню, горе и чаяния народные...

В ряду художественных портретов великих людей, воплощенных актером, находится и необычайно сердечный образ «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина в одной из картин спектакля «Жизнь в цвету» А. Довженко.

Огромна галерея образов, созданных Борисовым в классическом репертуаре, и прежде всего русском. Здесь и актер Аркашка Счастливцев, студент Мелузов, приказчик Гаврила из «Леса», «Талантов и поклонников» и «Горячего сердца» А. Н. Островского, и доведенный нуждой до крайнего отчаяния Кисельников, и забитый, загнанный Тихон из его же «Пучины» и «Грозы», и пушкинский станционный смотритель Вырин («Болдинская осень»), и тургеневский нахлебник Кузовкин, и многие другие образы. Разные лица, разные характеры... «Маленький человек» в воплощении Борисова становится личностью духовно значительной, нравственно богатой и красивой!

Как-то в разговоре со мной один крупный актер, принадлежащий к тому же поколению, что и Александр Федорович Борисов, на вопрос о том, где следует искать истоки его творчества, ответил: в русской классической литературе и ленинской идее коммунистической партийности. Думаю, что с полным на то основанием эти слова мог бы повторить и Борисов. Художник, создавший правдивые и глубокие образы как людей крупных — Павлов, Мусоргский, так и людей «неприметного героизма» типа Волгина и Минутки, он и к тем, кого отделяют от нас вековая гряда, рубеж революции, подходит с тех же позиций художника — социалистического гуманиста, исповедующего горьковскую веру в Человека.

Артист сильно и глубоко выраженной задушевной интонации, Борисов насыщает все свои сценические и кинематографические создания страстной, боевой публицистической мыслью. Как истинный советский художник-патриот, он во всех своих работах всегда пристрастно, партийно тенденциозен. Его Хоменко, секретарь райкома в «Урагане», полон любви к людям, но его человечность пронизана чувством ответственности за них.

— Я лирик,— говорит сам актер,— а почему-то никогда ни на одну секунду не чувствовал себя художником, звучащим не в тон нашей стремительной, громкоголосой жизни. Конечно, отдельные роли могли мне нравиться или не нравиться. Но мне никогда не приходилось заглушать в себе какие-либо глубоко личные, особенно дорогие творческие импульсы, как не отвечающие духу и нуждам времени... Героическое в нашей жизни не противопоставлено простому и обыкновенному; простое и обыкновенное ежедневно и ежеминутно, в массовых масштабах освобождает свою скрытую, внутриатомную энергию героического...

Разумеется, подобное понимание природы героического, подобный подход к постижению и передаче характера современника и самой действительности были бы невозможны без тесной, не прекращающейся ни на день и ни на час связи актера с великой созидательной жизнью народа. Будучи совсем молодым актером, отправился Борисов с группой своих товарищей в Заполярье и с тех пор исколесил всю страну, нес в военную пору свое искусство людям переднего края. Избирался депутатом Верховного Совета СССР, приобщившись тем самым к задачам общегосударственным, постигая их подлинные масштабы. Сегодня, как и другие его товарищи по театру, Александр Федорович — частый гость на ленинградской «Электросиле», с которой коллектив пушкинцев связан тесными узами дружбы...

Народному артисту СССР, четырежды лауреату Государственной премии СССР Александру Федоровичу Борисову исполнилось семьдесят лет. За плечами огромный творческий путь, полный непрерывного труда и напряженнейших поисков. За плечами художнические создания, покорившие миллионы зрителей всех континентов. Но поистине под стать он, выдающийся мастер сцены и экрана, своим героям. Его удивительная скромность рождена огромной взыскательностью к себе, сплавлена с постоянной душевной чуткостью и отзывчивостью. И все это делает сегодня Александра Борисова не только непререкаемым творческим авторитетом, но и художественной совестью родного коллектива.

Б. СМИРНОВ

Фото
Э. ЭТТИНГЕРА

Мы идем в гору. Не то чтобы подъем очень крутой, и не то чтобы снег слишком глубокий, но идти что-то трудно. Высота! Во-о-он где остался внизу домик метеостанции, а его высота известна — три тысячи сто над уровнем моря. Мы идем вверх около часа, следовательно, поднялись на... следовательно, поднялись на... Мысли путаются. В голове стучат молоточки, в глазах радуга, а от дыхания больше шуму, чем толку. И вообще... Никогда не был завистливым, а сейчас завидую, завидую Нурису, который идет впереди. Я налегке, а у него рюкзак с приборами, тяжелый штатив на плече да еще сумку с фотоаппаратами захватил. Но как идет! Словно там, внутри у него, мотор. Такому и высота нипочем...

Начиная с этого говорить о Нурисе Урумбаеве, я вовсе не собираюсь изобразить умение идти в гору как некий символ настойчивости, трудолюбия и целеустремленности. В конце концов получить высокогорную закалку может каждый. Но Нуриса просто невозможно представить в отрыве от гор, для него, как мне показалось, штурм любой высоты — цель постоянная. Потому я и напросился пойти с гляциологами на взрыв снежного «козырька». Только высота все вывернула наоборот: здесь не я к Нурису присматриваюсь, а он смотрит за мной...

Наконец добрались. Отсюда до вершины Чегета рукой подать. Вот оно, сердце Кавказа! Небо, скалы, солнце и снег. Весь мир, кажется, разделился на два цвета — слепящий белый и слепящий голубой. Белый снег, белые близкие шапки Эльбруса, белое солнце — и небо... Нет, не небо, а какое-то небесно-голубое сияние над головой! Трудно понять в этот момент свое состояние, но зато хорошо понимаешь альпинистов, которых постоянно манят эти сверкающие дали.

Впрочем, здесь сейчас не альпинисты, а гляциологи. В горах их называют по-своему — лавинщиками. Да, есть и такая работа. Я вижу, как цепочка людей в ярких куртках осторожно подбирается к огромному снежному гребню, нависшему над крутизной. Один из

Здесь рождаются лавины.

...Обходят владенья свои...

Работа гляциологов — непрерывный сбор данных.

НАЙДИ СВ

Черные «галочки» на желтом фоне — это знак лавины.

Нурис Урумбаев и инженер учебно-научной станции МГУ Нина Бондарчик.

ОЮ ВЕРШИНУ ▸

них уже у центра. Розовая куртка — это Нурис! Страшно подумать, что под тяжестью человека «козырек» может сорваться и стотонной массой рухнуть на крутой бесконечный склон... Но гляциологи, как саперы, не могут ошибаться. Наблюдение за снежным карнизом ведется давно. Проверена плотность снега. Пока он крепок, но жаркое горное солнце быстро делает свое дело. И сегодня утром на метеостанции, еще раз просмотрев свои таблицы, Нурис постановил: будем взрывать!

Он вырос в степи и ничего не знал о горах, хотя всегда видел их неясные контуры у горизонта. В детстве ему казалось, что там — край света. Потом, подростком, он не раз ходил в предгорье за тюльпанами, но таинственность далеких вершин по-прежнему манила. В последние школьные каникулы он решился: набрали с другом сухарей, потихоньку взяли у соседа ишака и ночью, никому ничего не сказав, отправились в горы. На пятый день увидели комья грязного снега — теперь Нурис знает, что это и были остатки лавин... Продвигаться стало трудно — приходилось часто карабкаться по скалам. Ребята не понимали, почему их стала охватывать странная слабость. На первую свою вершину они буквально вползли. И увидели, что их гора — самая маленькая, что впереди есть другие прекрасные вершины... Ребята ликовали и не могли понять, почему: ведь ничего особенного вроде бы не случилось. Это чувство не проходило все время, пока они добирались домой. На двадцатый день — вернее, в ночь,— они вошли в поселок, привязали на место соседского ишака и распрощались. Родители так были рады возвращению беглецов, что даже не ругались...

Через год, окончив школу, Нурис уехал в Ташкент. Нашел там альпинистов, записался в секцию. Тренировки, походы, сборы, потом — путевка на Памир. Получив 2-й спортивный разряд, он записался в школу инструкторов альпинизма на Тянь-Шане. Начальником учебной части альпинистского лагеря был тогда А. А. Кузнецов, спортсмен, биолог и орнитолог. Как-то Нурис поделился с ним своими планами — поступить на географическое отделение Узбекского университета. «А почему не в Московский?» — спросил Кузнецов. «Страшно!» Кузнецов усмехнулся: «Не думал, что ты такой...» Нурис чуть было не сказал, что у них из поселка еще никто никогда не учился в МГУ... Он вернулся домой, набрал книг и несколько месяцев жил по самому жесткому режиму: подъем в 6 утра, отбой в 12 ночи, все время — занятия. Лишь за день до отъезда сообщил домашним, что отправляется в Москву. Денег набралось только на билет в один конец пути...

Нурис сдал экзамены, сдал, хотя сам не верил в эту возможность. Здесь было потруднее, чем в горах. Он старался отвечать слово в слово по учебникам, а экзаменаторы спрашивали по-своему. На математике, уже второй час беседуя с профессором, он помнил только о том, что на обратный билет нет денег... А когда наконец в списке поступивших увидел свою фамилию, он дал телеграмму домой и поехал на Красную площадь, которую мечтал увидеть с первой минуты приезда в Москву.

Диплом он защитил на «отлично». Теперь Нурис считал себя «лавинщиком» — он стал учеником крупного советского ученого, исследователя лавин профессора Г. К. Тушинского. По распределению можно было вернуться в Казахстан, или отправиться на Север, или в Забайкалье. С Камчатки, от вулканологов, с которыми он работал на практике, в МГУ пришел даже вызов. Но Нурис избрал Приэльбрусье. Дело в том, что в студенческие годы он открыл для себя горные лыжи, и этот спорт стал для него любимейшим увлечением, почти страстью. Он получил первый спортивный разряд, возглавил университетскую секцию. И когда узнал, что в Приэльбрусье создается учебно-научная станция МГУ, выбор был сделан.

...Взрывчатка заложена. Мы ждем по рации сигнала снизу, что в опасной зоне никого нет. Наконец сигнал получен. Взрыв. Белый столб взлетает над гребнем горы. Больше ничего не удается увидеть — все моментально заволокла густая и плотная снежная пыль. Но вот сквозь нее постепенно проступают контуры гор, и потом снова вовсю сияет солнце... «Козырька» больше нет, он разлетелся, растекся по склонам сероватыми языками. А не будь взрыва, он мог бы со временем рухнуть вниз грозной лавиной и, сметая все на своем пути, докатиться до жилья.

— Зачем нужна наша работа? — переспрашивает Нурис по дороге обратно.— Около двадцати процентов территории страны лавиноопасны. Все, что строится в горах, все дороги, тропы, маршруты походов и экспедиций могут попасть под удар лавин. Мы оцениваем эту опасность, определяем возможные пути лавин, а иногда, как сегодня, эти лавины предупреждаем. Это называется активной защитой от лавин — взрывы, обстрел склонов. Бывает, лавина от взрыва не идет, но снег так уплотняется, что уже не представляет опасности...

О лавинах Нурис может рассказывать часами, о лавинах вообще и о тех лавинах, которые сошли и могли бы сойти в Приэльбрусье. А несошедшие лавины — это уже заслуга младшего научного сотрудника учебно-научной станции Урумбаева и его товарищей. Недавно еще тихий и незаметный поселок Терскол стал крупным курортным центром — это теперь многоэтажные гостиницы и турбазы, канатные дороги, тысячи отдыхающих. А горы всегда опасны... Вот, например, несколько дней назад после обильного снегопада добрая сотня горнолыжников собралась у нижней станции канатной дороги. Подъемник не работал, все ждали, когда Нурис закончит обследование склонов. А он, обвязавшись веревкой, осторожно спускался на лыжах поперек горы — «подрезал» пласты свежевыпавшего снега, провоцируя, так сказать, возможные небольшие лавины. Веревка длинным хвостом волочилась сзади на тот случай, если лавина все же пойдет и поглотит Нуриса, и тогда найти его в снежной каше можно будет лишь по этой самой веревке...

— А как вы узнаете, опасен склон или нет?

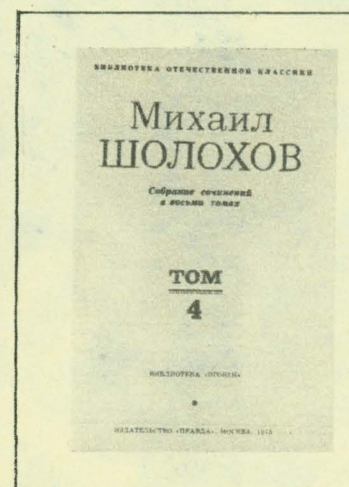
— Это и есть наша работа,— улыбается Нурис.— Мы учитываем форму склона, структуру снега, количество осадков, температуру и множество других данных. Сейчас нам помогает электронно-вычислительная машина, она, можно сказать, ведет постоянное наблюдение за склонами.

— Не может ли так случиться, что машина и вовсе вас заменит? — шучу я. Нурис тоже смеется:

— Да, будет здорово, если машина сама научится лазить по горам и расставлять датчики! А если серьезно — это большая научная проблема, и будущее гляциологии немыслимо без ЭВМ. Мы разрабатываем для ЭВМ математический способ прогнозов лавин с помощью метода опознавания образов. Я уже защитил кандидатскую диссертацию, а работа, кажется, только еще началась...

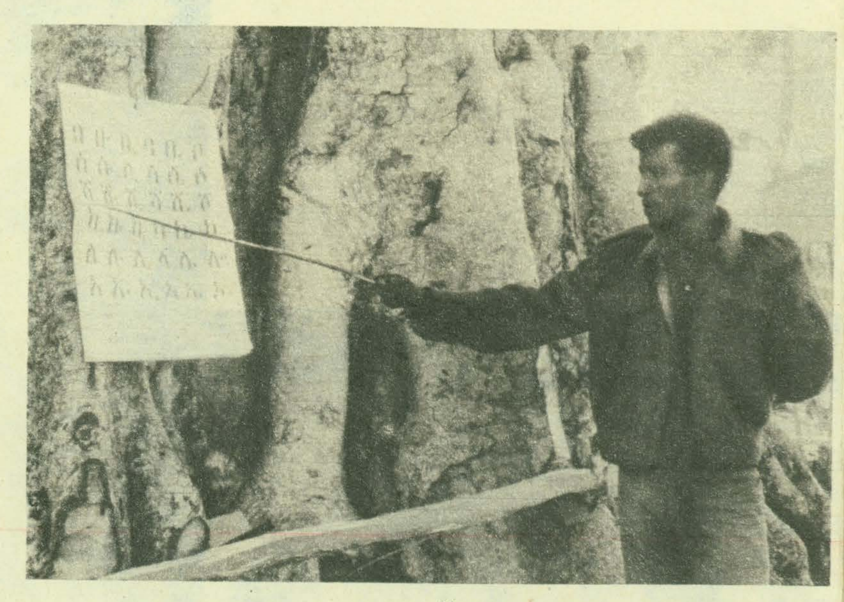
— Значит, штурм вашей научной вершины уже «не за горами»?

— Как вам сказать,— серьезно ответил Нурис.— Мне о научных эверестах мечтать пока, пожалуй, рановато, но все равно у каждого должна быть своя вершина...

ПУТЬ В СОВРЕМЕННОСТЬ

Идет урок амхарского языка.

На краю деревушки Сэкка, что расположена в эфиопской провинции Кафа, прямо на открытом воздухе шел урок родного языка. На узких скамейках сидело полсотни смуглолицых, кудрявых мальчишек и девчонок. Вслед за студентом Ахмедом Ибрагимом, водящим указкой по слогам амхарского алфавита, дети хором повторяли фразы и целые предложения.

Неграмотность — одно из самых болезненных наследий прежнего режима в Эфиопии. 95 процентов населения не умеют ни читать, ни писать. Невежество было оружием феодальных владык. Ведь неграмотного и забитого крестьянина легче держать в ярме полукрепостной зависимости. По призыву правящего в стране Временного военного административного комитета (ВВАК) 60 тысяч студентов и старшеклассников, прервав на год учебу, отправились в деревни, чтобы научить грамоте 5 миллионов крестьян.

«Декларация об экономической политике» нового режима предусматривает важные социально-экономические реформы эфиопского общества. Часть их уже осуществлена, как, например, национализация всех финансов страны и основных промышленных предприятий.

Но, пожалуй, важнейшая из всех реформ — это аграрная. Для 24 миллионов эфиопских крестьян, а это 90 процентов всего населения, аграрная реформа — надежда на прекращение уже в ближайшем будущем полукрепостнической зависимости от недавно еще всесильных феодалов-помещиков. Это вера в избавление от удушающей арендной платы землевладельцам, которая достигала немыслимой цифры — 70-75 про-

ШОЛОХОВ
В ИЗДАНИИ «ОГОНЬКА»

Вышел четвертый том нового собрания сочинений Михаила Шолохова. В нем заканчивается печатание прославленной эпопеи «Тихий Дон». Четвертая книга романа сопровождается иллюстрациями О. Верейского.

Демонстрация на улицах Аддис-Абебы в поддержку нового режима.

Фото Н. Даньшина.

центов урожая в год. Для всей Эфиопии аграрная реформа — это шаг из отсталости и феодализма в современность.

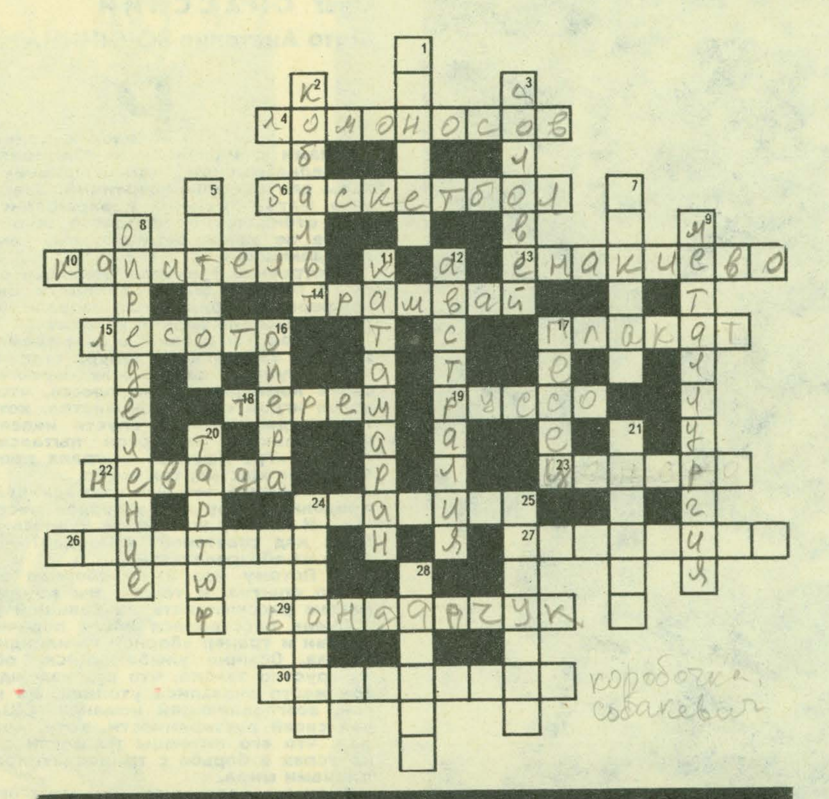
Программа прогрессивных социально-экономических реформ с энтузиазмом встречена широкими слоями эфиопского народа. В поддержку курса ВВАК проходят массовые демонстрации по всей стране.

Огромные часы на четырехгранной высокой башне Парламентского дворца в Аддис-Абебе все так же размеренно и точно показывают местное время. Отныне оно наполнено новым содержанием. Из Парламентского дворца исчезли важные господа с аристократическими титулами, помещики — владельцы огромных феодальных усадеб. Это они, владыки прежней Эфиопии, составляли львиную долю «народных представителей» в распущенном военными властями парламенте.

Сейчас в залах заседаний Парламентского дворца кипит иная, столь отличная от прошлого жизнь. Здесь находится резиденция Консультативной гражданской группы (КГГ) при Временном военном административном комитете. Эта группа состоит из 50 гражданских лиц — представителей профсоюзов, других общественных организаций всех 14 провинций страны. Члены КГГ подготавливают проекты социально-экономических реформ в Эфиопии. Кроме того, Консультативная гражданская группа готовит проект новой, демократической конституции Эфиопии. Новый основной закон должен учесть кардинальные изменения, которые произошли на древней эфиопской земле с февраля 1974 года. Ветер перемен дует сейчас над Эфиопией, вступающей на дорогу прогресса.

Вадим ЛОБАЧЕНКО

Аддис-Абеба.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Великий русский ученый и поэт. 6. Спортивная игра. 10. Верхняя часть колонны. 13. Город в Донецкой области. 14. Городской транспорт. 15. Государство в Африке. 17. Вид изобразительного искусства. 18. Дом в Древней Руси. 19. Французский просветитель XVIII века. 22. Штат в США. 23. Малая планета. 24. Народный писатель Белоруссии. 26. Искусство резьбы на цветных камнях. 27. Комедийный жанр. 29. Советский актер и режиссер. 30. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

По вертикали: 1. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Волки и овцы». 2. Химический элемент. 3. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 5. Матросский танец. 7. Река на Северном Кавказе. 8. Второстепенный член предложения. 9. Отрасль тяжелой промышленности. 11. Судно, имеющее два корпуса. 12. Материк. 16. Музыкально-драматическое произведение. 17. Пушной зверек. 20. Комедия Мольера. 21. Порт на берегу Адриатического моря. 24. Сорт тыквы. 25. Ночная птица. 28. Тропический и субтропический злак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 6. «Гамлет». 8. Парник. 9. Беркут. 10. Парусина. 11. Дождевик. 12. Батут. 14. Каунас. 16. Насос. 17. «Воспитанница». 20. Карта. 22. Ракета. 25. Антей. 27. Петрушка. 28. Телеграф. 29. Гранит. 30. Фарада. 31. «Эрнани».

По вертикали: 1. Кенгуру. 2. Фанфара. 3. Лебедка. 4. Торпеда. 5. Каравай. 7. Суриков. 13. Тропа. 14. Купер. 15. Сунжа. 16. Ницца. 18. Кафедра. 19. Веранда. 21. Торонто. 23. Алатырь. 24. Татьяна. 26. Нигерия.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лавиноопасный снежный карниз у вершины горы Чегет взорван (см. в номере репортаж «Найди свою вершину»).

Фото Э. Эттингера.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рублевский пост-пикет ГАИ. * Подушкинский пост-пикет ГАИ. * Многопозиционный указатель поворотов. * Площадь Никитских ворот. Пост ГАИ.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 31/III — 75 г. А 00558. Подп. к печ. 15/IV — 75 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 704. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 402.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Старший тренер советской сборной Б. П. Кулагин.

В. Анисин и Б. Штястны — чехословацкий нападающий — в борьбе за шайбу

Олег СПАССКИЙ
Фото Анатолия БОЧИНИНА

Рядом с хоккейными площадками в мюнхенском «Олимпия-халле» и в дюссельдорфском «Айсштадионе» находились залы для пресс-конференций. Здесь после каждого матча тренеры превращались во вратарей, отбиваясь от вопросов журналистов, которые не менее безжалостны, чем хоккейные нападающие.

Настроение тренеров менялось от тура к туру. В первый день чемпионата они на пресс-конференции благодушествовали и были щедры на высокие оценки и похвалы. Так, Рональд Петтерсон, сыгравший в свое время за сборную Швеции 252 матча, а теперь ставший тренером «Тре Крунур», даже после первого поражения своей команды заявил прессе, что весьма доволен игрой своих хоккеистов, хоть они и потеряли два очка. А спустя неделю мрачный, насупившийся Петтерсон пытался объяснить, почему «Тре Крунур» сыграла против сборной СССР так жестко, так грубо:

— Поймите, это был наш единственный шанс продолжать борьбу за первое место.

— И почему же вам не удалось добиться победы над советской командой? — спросил его один из обозревателей.

— Потому что наша сборная еще недостаточно опытна, и теперь мы понимаем, что не можем рассчитывать на большой успех.

Очень расстроился после поражения в игре с нами и тренер сборной Финляндии Сеппо Лиитсола. Обычно улыбающийся, общительный, он грустно заявил, что все надежды на призовое место оказались утопией. Да и Боб Джонсон, возглавляющий команду США, не скрывал своей растерянности, хотя, конечно, понимал, что его питомцы не могли рассчитывать на успех в борьбе с тринадцатикратными чемпионами мира.

Тренеры радовались, тренеры огорчались. И только два из них неизменно сохраняли спокойное, ровное настроение и в Мюнхене и в Дюссельдорфе — наш Борис Павлович Кулагин и тренер сборной Чехословакии Карел Гут. Они понимали, что только их воспитанники, сильнейшие хоккеисты мира, могут претендовать на золотые медали и что в этом споре решающее значение может иметь каждая забитая шайба. Это было спокойствие людей, уверенных в силе своих команд, и этим грозным боевым спокойствием оказалась насыщена встреча сборных СССР и ЧССР.

Трудно забыть этот матч, который во многом решал исход чемпионата. После тройной нашей неудачи в Праге большинство журналистов, как мы уже писали, считали, что победит чехословацкая сборная, но их прогнозы оказались опровергнутыми блестящей игрой сборной команды СССР.

Были минуты, когда создавалось впечатление, что чехословацкая команда мечтает лишь об одном — выбить шайбу из своей зоны. Однако такая тактика была заранее продумана Гутом и успешно проверена двумя днями раньше во встрече со сборной Швеции. Чехословацкие хоккеисты как бы приглашали советских хоккеистов к себе в зону, чтобы все решить в мгновенной и успешной контратаке.

В какой-то момент, в начале второго периода, мне показалось, что чехословацким хоккеистам удается осуществить свой план, что вот-вот они перехватят инициативу. Но наши ребята не растерялись, и после матча Карел Гут на пресс-конференции сказал: «Мы хотели воспользоваться той же тактикой, что и в Праге, но нам это не удалось. Советские хоккеисты доминировали на поле и лишили наших нападающих возможности играть активно».

Три шайбы одна за другой влетели в ворота Холечека во втором периоде, а когда чехословацкие хоккеисты в начале третьей двадцатиминутки ринулись в атаку, то последовала внезапная контратака, и Петров после точного паса Михайлова забросил четвертую шайбу, а под занавес Харламов довел счет до пяти. Так нашей команде удалось опровергнуть все прогнозы знатоков.

Игра увлекает. Игра захватывает. Атаки сменяются обороной, шайбы летят от одних ворот к другим. Все яростнее реакция зрителей. А рядом с азартными болельщиками сидят на трибунах люди, которые бесстрастно, точно делают свое важное дело. Один из них, Юрий Васильевич Королев, заведующий кафедрой хоккея Центрального института физкультуры, познакомил нас со своими обязанностями. На каждом матче он вел точный учет бросков, отмечал умение каждого хоккеиста ловить на себя шайбу, фиксировал время, проведенное звеном в атаке или обороне, и после обработки эти данные позволяли нашим тренерам определять форму каждого хоккеиста.

Во время разговора с редакцией в начале чемпионата меня спросили: «Как сыграет наша команда?» Я ответил, не колеблясь: «Наши выиграют». Секрет моей уверенности был прост: после первых матчей Юрий Королев показал мне свои цифры и расчеты, которые говорили о том, что боевая форма команды растет.

С каждым днем советская сборная играла все более уверенно. Все более точно действовали наши нападающие, все надежнее строили оборону защитники, все меньше ошибался Третьяк. Статистики подсчитали, что по числу заброшенных шайб сборная Советского Союза значительно опередила другие команды: 8,9 гола приходится в среднем на каждый матч. Это высокий результат!

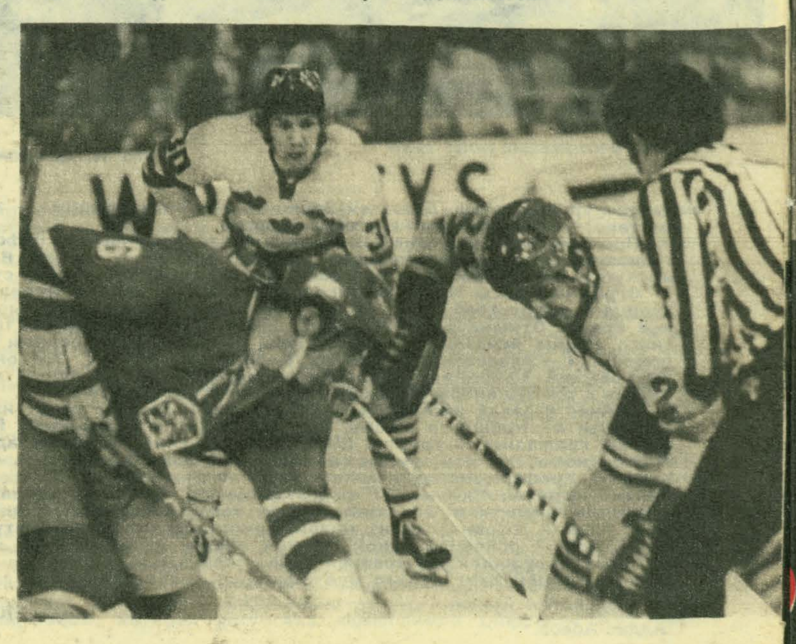
Быстро пролетели две недели ярких, интересных хоккейных встреч. Когда читатель получит этот номер журнала, уже определятся места на пьедестале почета.

Дюссельдорф, по телефону.

ГОР

Встреча шведских и чехословацких хоккеистов.

На льду сборные команды СССР и Чехословакии (встреча первого круга). Александр Якушев, № 15, забивает гол.

Владислав Третьяк с каждым матчем играл все увереннее.

ЯЧИЙ ЛЕД

Советские хоккеисты штурмуют ворота сборных Финляндии и США.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663